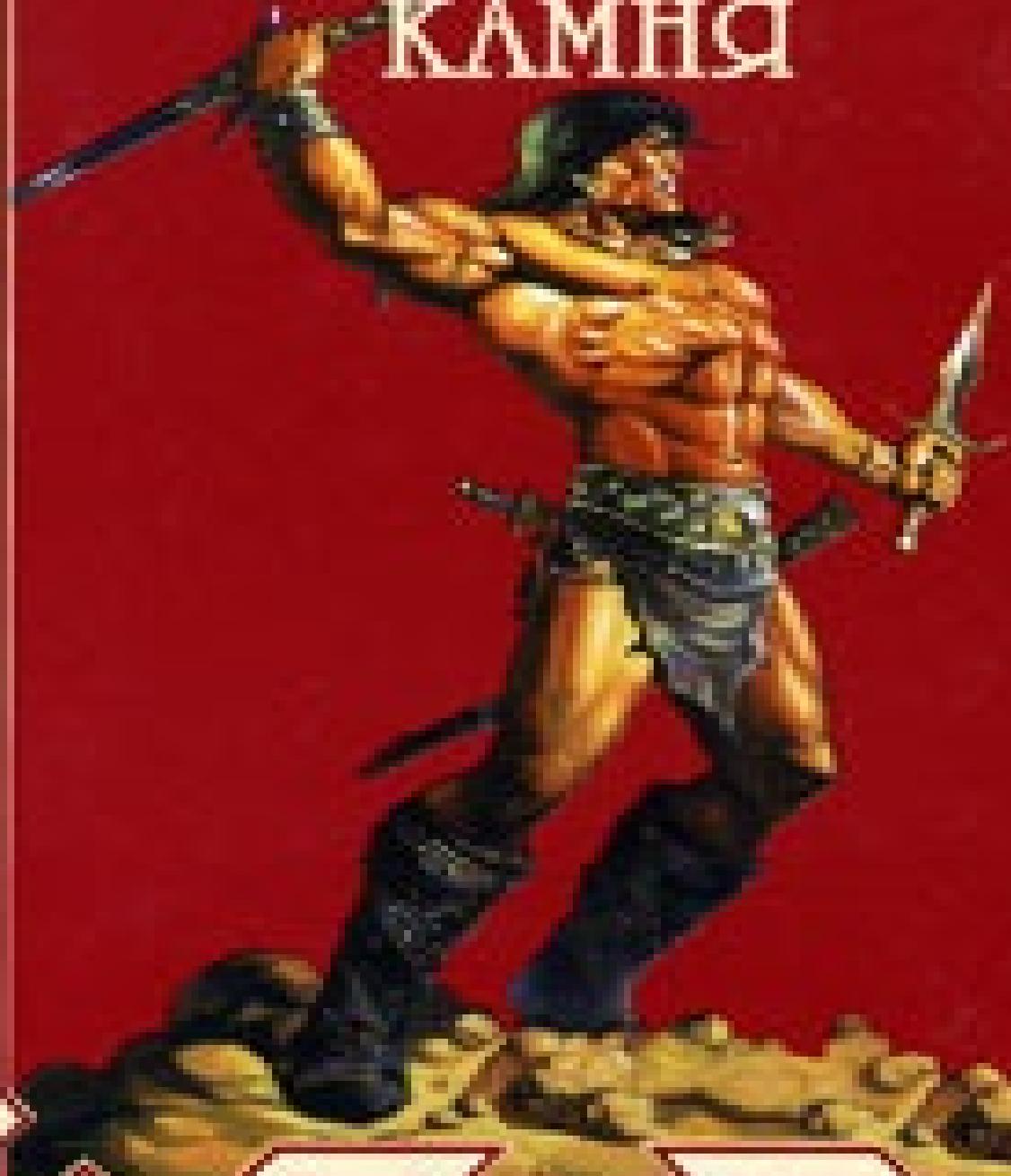

Конан
и Узники
камня

КОНАН И УЗНИКИ КАМНЯ

Annotation

Сартос, город на побережье Стигии, стал местом, где в жестокой схватке сошлись Духи Камня. Четыре «брата», четыре Силы, ненавидящие и жаждущие уничтожить друг друга...

Оставшись без присмотра Конана и Сигурда, команда «Вестрела» оказывается втянутой в самую гущу противостояния Духов Камня. Остаётся уповать только на помощь Капитана Конана...

Северо-Запад, 2005 г. Том 114 "Конан и Узники Камня"
Брэнт Йенсен. Узники камня (роман), стр. 5-146

- [Брент Йенсен](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
-

Брент Йенсен
Узники Камня
Цикл “Пленники Камня” – часть 1
(«Северо-Запад Пресс», 2005, том 114 «Конан и Узники Камня»)

Пролог

С моря дул легкий освежающий ветер. К сожалению, поблизости не было людей, способных оценить ту прохладу, что он дарил. Чайкам, копошившимся на линии прибоя, до капризов погоды не было никакого дела. На морском побережье Стигии никогда не бывало настолько жарко или холодно, чтобы птицы здесь обитавшие, начали задумываться о временной смене места жительства.

Шторм, бушевавший несколько недель, вынес на берег целый ворох вещей, которым на сущем совсем не место. Конечно, больше всего было водорослей. Но нашлось место и для всякой морской живности, долго не выдерживавшей обитания вне родной стихии, а потому жутко вонявшей. Чайки по мере возможности отыскивали рыбок посвежее и немедля набивали ими свои животы.

Валялись на берегу и обломки кораблей, которым не посчастливилось пережить буйство стихии. Судя по разбитым доскам и разорванным парусам, море не поскутилось ни волны, ни на ветер. На фоне перемолотых остатков кораблей удивительно смотрелось практически неповрежденное человеческое тело. Судя по неестественно вывернутой шее и правой руке морехода, несколько переломов у него всё-таки было, но выглядел он необычайно целым и сохранившимся. Даже шитая золотом рубаха, выдававшая в нем офицера, порвалась только в двух местах. Правда, водоросли, налипшие на тело несчастного, немного портили общую картину.

Одной из чаек надоело рыскать в поисках очередной тухлой рыбешки, и она уверенной поступью направилась к моряку. Птица несколько раз обошла тело, исследуя его на предмет пригодности к потреблению в пищу. В итоге, остановив свой выбор на глазах, стала приоравливаться, как бы получше к ним подобраться.

Внезапно левая рука человека устремилась к птице. Чайка, не ожидавшая от трупа такой подлости, отреагировать не успела. Только один раз пронзительно вскрикнула, а затем совершила впечатляющий полет в морскую даль со свернутой шеей.

— Не надо было так делать, птичка, — хриплым голосом произнес мертвец, поднимаясь на ноги. — Мне нравится это тело, ни к чему его портить.

Человек внимательно осмотрел свои конечности, и нашел состояние правой руки совершенно неудовлетворительным. Про безбожно мотавшуюся из стороны в сторону голову он, казалось, забыл. Мертвец грустно улыбнулся, давая понять судьбе, что поступила она с ним весьма гадко, и принял читать заклинание. Слова, что он произносил, не были схожи ни с одним из хайборийских наречий. Когда заклятье подошло к концу, и рука, и шея были уже, как новенькие.

Тогда моряк принял счищать с себя остатки водорослей и песок. Завершив эту работу, он произнес еще несколько слов на том же языке, и через мгновение перед ним возникла его точная копия. Высокий, стройный молодой человек. Карие глаза, небольшой, чуть-чуть курносый нос, тонкие губы, немного выдающийся вперед подбородок. Моряк улыбнулся, положительно оценив внешность своего двойника. А вот испачканная водорослями рубашка ему явно не понравилась.

Недавний мертвец несколько раз обошел магически созданную фигуру, пытаясь запомнить мельчайшие детали своего облика. Его внимание привлекли пустые ножны на поясе. Оглядевшись по сторонам, он заметил у самой кромки воды саблю, выпавшую из них. Он поднял её и повесил себе на пояс. И тотчас же в ножнах двойника возникла её копия.

Моряк вновь и вновь осматривал своё магическое отражение, и оно всё больше и больше ему не нравилось. В конце концов, он произнес заклятье, которое полностью очистило его одежду и обувь. Теперь о случившемся с ним несчастье по внешнему виду догадаться было практически невозможно. Просто мелкий дворянин, решивший прогуляться по побережью.

Эта мысль заставила его улыбнуться. Уж кем-кем, а человеком, любящим побродить в одиночестве и поразмышлять, он не был.

Мореход было двинулся по берегу в сторону полуночи, но потом вспомнил про двойника. Отражение следовало убрать. Правда, пользоваться магией лишний раз ему не хотелось, потому что рано или поздно за это придется платить. Но иного выхода не было.

Примерно десять странных отрывистых слов, и двойника как не бывало.

— Наслаждаешься свободой, сын?

А вот и расплата. Если он слишком часто прибегал к помощи магии, в голове непременно возникал этот голос. Голос его давным-давно погибшего отца.

— По правде говоря, я еще не до конца разобрался со своими ощущениями. Чрезвычайно необычная форма бытия.

— Ну, для меня-то она как раз самая, что ни на есть, нормальная, — мореход представил себе ухмылку, которая возникла бы на лице его отца, обладай тот материальным телом. Но мысленные образы смеяться не умели. — Может ты уступишь мне этого пирата? Обещаю не портить его.

Мертвый мореход вел разговор в своей голове и одновременно быстрым шагом двигался в сторону небольшого городка, который он ощущал неподалеку. Воздух не проникал в легкие моряка, сердце его не билось. Человек бы вряд ли заметил это, а вот птицы чувствовали и спешили убраться с пути непонятного существа. Моряку это не нравилось, и он неприязненно морщился. Телу можно было вернуть подобие жизни, но для этого пришлось бы снова прибегнуть к магии.

— Не переходи грань, — обратился он к отцу. — Мне почему-то кажется, что я единственный из нас четверых веду эти душепитательные беседы. Так что, если желаешь общения, будь добр прекрати говорить глупости.

— Глупости? — в голосе появились иронические нотки. — Подожди немного и увидишь, как эти глупости становятся реальностью.

— Ты мне надоел. Убирайся!

— Как пожелаешь, — сказал отец. — Только помни, я вернусь. А пока оставлю тебе подарочек.

Из моря поднялся столб воды, который через мгновение рассыпался на тысячи капель. Непрерывно двигаясь, они в конце концов слились в изображение смеющегося старика.

В сознании морехода раздался безумный хохот его отца.

В камне он не был способен проявлять какие-либо эмоции. И колдовать не мог. Получалось, что отец сумел на краткое мгновение овладеть его телом. Неприятно.

Мореход произнес заклинание, и водный старик превратился в ишака, разразился мычанием и исчез. В памяти пирата присутствовал образ осла, а вот звуки, им издаваемые, явно относились к другому животному. Но ничего, отец стерпит. Пожалуй, даже так ему и надо. Однако в будущем стоит быть поаккуратнее при работе с чужими воспоминаниями.

Нынешний обладатель тела капитана пиратского фрегата принялся копаться в голове мертвеца, стремясь отыскать там своё новое имя. Коратцо. Гадко звучит. Даже предыдущему владельцу оно не нравилось. Оказывается, его так называли в честь легендарного зингарского военачальника, несколько столетий тому назад одержавшего ряд знаменательных побед над Аргосом. Пират вроде бы приходился ему каким-то дальним родственником в тридцать девятом

колене.

Мертвый маг горестно вздохнул. Он искренне не понимал, как люди могли использовать какие-то клички, не имеющие к их природе никакого отношения. Его настоящее имя, Тот-Что-Живет-В-Левой-Верхней-Части-Камня-И-Зрит-На-Грызущих-Из-Нижних-Областей, полностью отражало его суть, бытие и цель существования. Но еще в прошлое воплощение он осознал, что людям в такие тонкие материи не проникнуть. И раз он теперь не дух, а человек, значит, придется взять себе одно из их «имен». На время, разумеется. До тех пор, пока он не станет богом. Тогда можно будет выбрать себе нормальное отображающее имя, а не несчастную кличку.

Глава 1.

«О нелегкой судьбе пророка»

— Он заговорил.

— Опять?!

Бирес был взбешен. Он — это полумертвый оракул. Магу пришла в голову мысль, что, пожалуй, следовало добить этого гада, от которого одни неприятности. Два раза! Целых два раза за последний месяц. Сие бездыханное тело молчало полтора столетия. А тут взяло и разговорилось!

— Тот же бред, что и в прошлый раз? — поинтересовался у слуги один из трех Хозяев первого круга приближения.

— Нет, — торопливо произнес слуга. Он явно боялся гнева своего хозяина. — На этот раз практически удалось выстроить зрительный образ. Весь второй круг уже там. Они занимаются этим. Карфот просил вас поторопиться. Он не уверен, что без вас троих удастся отобразить картину полностью.

— Просил поторопиться?! — заорал Бирес. Глава второго круга стал позволять себе слишком много. В ведении Карфота находилась казна сартосских Хозяев Побережья. А четыре месяца под его начало перешли «лиловые». Но при этом магом-то он оставался никудышным, и в ближайшее время следовало ему об этом напомнить. — Он смеет о чем-то меня просить?!

Слуга молча переминался с ноги на ногу, догадываясь, что любой его ответ вызовет новую вспышку гнева. Бирес очень не любил, когда его заставали во время его постельных утех. И еще он очень не любил высокочек из второго круга.

Маг окинул слугу уничижающим взглядом.

— Убирайся! — рявкнул он. — Передай, что я появлюсь в зале оракула, когда сочту нужным.

Стоило слуге закрыть дверь, как Бирес мгновенно вскочил с постели и принялся одеваться.

Девочка лет тринадцати, с которой он провел три замечательных колокола, теперь сидела на кровати, поджав колени. Что делать дальше, она не знала. Стоило ли начать одеваться или лучше дать возможность магу еще некоторое время полюбоваться своими прелестями.

Бирес избавил её от мучительного выбора. Затягивая пояс на тунике, он походя бросил заклятие на старостигийском, и девочка превратилась в голубку. Правда, если будучи человеком она являла собой существо живое, то теперь уже не могла этим похвастаться. Обычно Бирес сразу не убивал своих «пташек», предпочитая рассаживать их по клеткам и наблюдать за изменениями в их поведении. Но сейчас не было времени возиться с девчонкой. В «Пустынной» части базара Сартоса всегда можно найти себе новую любимицу.

Бирес нацепил на каждый из пальцев правой руки, по кольцу с агатом. Ими он пользовался, когда наибольшая опасность могла исходить от магов стигийской школы. Для других случаев были другие камни. Когда он уже дотронулся до дверной ручки, ему пришла в голову мысль, что можно было бы на всякий случай взять с собой и несколько рунных амулетов. На столике рядом с его кроватью стояла шкатулка, в которой он хранил те артефакты и магические ингредиенты, потребность в которых возникала ежедневно. За сохранность этого маленького набора он не беспокоился. Замок был настроен лично на него, и любой вор при попытке открыть заветный сундучок тут же отправился бы на свидание к Нергалу. Способов обойти ловушку не существовало.

Взяв то, что ему было нужно, Бирес еще раз прикинулся не забыл ли он чего. Убедившись, что

всё в порядке, он покинул свою комнату и бегом направился в зал оракула. Конечно, недостойное мага поведение. Но в нынешней ситуации стоило наплевать на хорошие манеры. В то, что у оракула банальная бессонница, не верилось.

Дом, в котором обитали Хозяева, снаружи казался небольшим. Однако, как и во многих подобных ему сооружениях, здесь действовало заклинание искажения пространства. Так что коридоры, по которым мчался Бирес, по своей протяженности могли поспорить с некоторыми улочками Сартоса. Их внешнее однообразие объяснялось всё тем же магическим происхождением. Серые стены, на которых на одинаковом друг от друга расстоянии висели одинаковые картины. Часть магов время от времени ратовала за усовершенствование примененного заклятья, но каждый раз находились те, кто нововведениям противился. Так что дальние споров дело никогда не заходило.

Зал оракула находился за большой деревянной дверью, окрашенной в черный цвет. Пусть и некрасиво, зато сразу бросается в глаза. Прокочить мимо и не заметить просто невозможно. Благо хозяин комнаты воспротивиться безвкусице не в состоянии.

На двери лежало несколько защитных заклинаний, призванных обратить незваного гостя в прах и пепел. На магов первого круга они, между прочим, действовали не хуже, чем на остальных. Бирес в который раз усмехнулся этим мерам предосторожности: по доброй воле к тому говорящему скелету, что находится внутри, ни один из Хозяев не в жизни бы не пошел.

Когда Бирес наполовину завершил формулу, призванную обеспечить ему безопасный проход сквозь ловушки, дверь отворилась изнутри. На пороге стоял Карфот. Внешне он разительно отличался от высокого, худого, коротко стриженного Биреса. Карфот был стигийцем лишь на половину. Его мать была рабыней из Кофа. Вот он и уродился невысокий, плотно сбитый, с живыми зелеными глазами. Наперекор всем догматам Черного Круга головы он не брил.

— Постучаться не мог? — язвительно поинтересовался маг второго круга.

Бирес с трудом сдержался от того, чтобы превратить негодяя в таракана. Игнорируя Карфота, маг вошел внутрь. В комнате было темно. Одно из заклинаний, поддерживающих жизнь в оракуле, пожирало солнечный свет. На противоположной от двери стене располагалось несколько окон. На улице ярко светило солнце, но, миновав стекло, лучи его немедля умирали. Хоть Бирес и знал принцип действия заклинания, оно его тем не менее пугало его до дрожи в коленях.

Взгляд мага обратился к пророку. Вокруг его иссохшего тела стояли пять лампад. Оракул лежал прямо на полу. Ему не полагалось ни постамента, ни саркофага. Во времена своего смертного существования он был простым крестьянином, к удобствам не привыкшим. Потому сейчас следовало поддерживать в нем иллюзию прежней жизни.

В комнате было пятнадцать человек. Они, взявшись за руки, стояли над телом оракула. Ни одного представителя первого круга Бирес среди них не увидел. Что ж, следовало ожидать...

— Разомкните круг, — повелительно сказал высокий маг, направляясь к собравшимся. — Я войду.

Работать с оракулом Биресу совершенно не хотелось. В прошлый раз от общения с ним осталась жуткая мигрень и ощущение мертвчины в собственной душе. Однако другого выхода не было.

Он взял ладони двух магов второго круга и начал плести заклинания, собирая на себя всю магическую энергию. Можно, конечно, было просто доработать те «сети», что создали до него, но они показались Биресу слишком хрупкими. Оракулу было вполне по силам их разрушить. К тому же картина видений наверняка оказалась бы искажена.

Тот маг, что первым начал работать с оракулом, отдал заклинанию Биреса те крупицы пророчества, что сумел собрать он сам. Послание это заставило Биреса благосклонно

улыбнуться. Как ни странно, но и в изначальную магическую «сеть» попала неплохая рыбешка. В сознании Биреса замелькали виды современного Сартоса. Совсем не похоже на предыдущее пророчество, состоявшее из хаотичной смеси цветов, звуков и запахов. Маг пропустил послание через заклинание «кольца», чтобы все находящиеся в комнате могли видеть то же, что и он. Теперь можно было переходить к следующему этапу.

Бирес закинул свои «сети», и снова перед ним возник Сартос: его дома, улицы, обитатели. Всё вперемешку, всё вразнобой. Тысячи песчинок, подхваченных пустынным ветром. Надо успеть сложить единую картину, до того, как они унесутся прочь. Человеку такое не по силам. Но магические создания, из которых состояла «сеть» Биреса, неплохоправлялись с поставленной задачей. То были духи низшего порядка, не знающие ничего, кроме цели, заданной заклинателем. Бирес лишь наблюдал за их работой, пытаясь обнаружить слабые участки «сети». Когда ему это удавалось, он уничтожал провалившихся духов, заменяя их собратьями с большей долей разума.

Настроение мага существенно портил запах смерти, исходивший от оракула. Он проникал прямо в сознание, заставляя Биреса содрогаться от ужаса. Его страхи передавались духам, а это отнюдь не добавляло прочности магической сети. Оракул стал частью Биреса, а мысли его стали мыслями Биреса. Пророк жаждал забвения, и магу с огромным трудом удалось отрешиться от мысли о самоубийстве и сосредоточиться на пророчестве.

«С моря дул сильный ветер. Капитаны кораблей, стоящих в порту Сартоса, с тревогой смотрели в голубую даль. Где-то в городе залаяла собака. Несколько офицеров прогуливались по набережной. Порыв ветра сорвал шляпу с головы одного из них, и он, смешно размахивая руками, побежал её ловить. В городе лаяло уже не менее десятка собак, и всё новые и новые участники присоединялись к этому безумному хору. Трое сумасшедших митриан опустились на колени, и принялись биться головами о землю. В таверне «Морской змей» начался пожар. Люди старались выбраться наружу, но пламя не подпускало их к окнам и двери. Через некоторое время здание было полностью охвачено огнем. Изнутри больше не доносилось криков. Вокруг агонизирующей таверны стали собираться странные люди под предводительством туранца, на одном из пальцев которого красовалось кольцо с золотым павлином. Офицер практически поймал шляпу, но в последний миг она от него ускользнула. Мертвый митрианец лежал с разбитой головой. Один из псов прекратил выть и принял ядно лакать вытекающую из трещины в черепе кровь. Два оставшихся в живых безумца продолжали своё занятие. Огонь перекинулся с таверны на соседние дома. Никто и не думал тушить пожар. Из небольшого поместья, в котором обитали Хозяева, доносились непонятные крики. Вот и второй митрианец упал замертво. Теперь полыхал весь город. Однако люди не обращали на пламя никакого внимания. Они продолжали заниматься своими обычными повседневными делами до тех пор, пока не сгорали заживо. Пламя перекинулось и на обитель Хозяев. Через несколько мгновений от неё ничего не осталось. Ветер с моря усилился. Моряки, казалось, не замечали гибнущего города. Их взгляды были прикованы к тонкой полоске горизонта. Собаки прекратили выть. Вот и третий служитель Митры завершил своё бренное существование. Офицер поймал шляпу. Наконец удалось разглядеть его лицо. Это был обтянутый кожей череп, что некогда принадлежал полумертвому старику, который когда-то был оракулом, а еще раньше крестьянином. Над погибающим городом звучал чей-то безумный смех».

Силы оставили Биреса, и он непременно бы упал, если бы чьи-то сильные руки не подхватили его.

— Довольно занимательное зрелище, — сказал стоящий у двери невысокий альбинос. — Я гляжу, ты не разучился колдовать.

Карун-Ра. Глава первого магического круга Сартоса. Очень опасный человек. Один из

немногих, кого Бирес по-настоящему боялся. Никто не знал, насколько он стар. Выглядел он, как молодой человек лет двадцати пяти, с выцветшими волосами с легкой залысиной, голубыми глазами, небольшим носом и тонкими губами. Заклятье, применяемое им для поддержания внешней молодости, требовало огромных магических затрат. Казалось, оно было призвано подчеркнуть невероятную силу этого человека.

По имени главу Хозяев называли редко. Ему больше нравилось прозвище, которое он заполучил полвека назад. Тогда во время одного из своих опытов с кхарийской магией он лишил сам себя зрения. Карун-Ра призвал к себе магов и лекарей со всей Хайбории. Они осматривали его и в один голос заявляли, что лекарства не существует. Закончилось это паломничество лишь, когда сам Тот-Амон сказал, что случай безнадежный. Но Карун-Ра не сдался. Он с помощью учеников за десять лет перекопал горы трактатов по магии исцеления, и в конце концов вернул себе зрение. Но прозвище «Слепец» так за ним и осталось. Однако Карун-Ра даже гордился им и не думал обижаться.

— Я справился бы намного лучше, если бы кое-кто не прохлаждался, а помог мне!

Бирес сверлил взглядом Карун-Ра. Слепец никогда никому не льстил, потому, если и ему отвечали соответствующим образом, он нормально к этому относился.

— Полнό, Бирес, — быстро проговорил альбинос. — Ты отлично справился. А мне было, чем в это время заняться. Кстати, какие мысли об увиденном?

— Бред!

Карун-Ра внимательно посмотрел на Биреса, будто пытался что-то вспомнить. Затем хлопнул себя по лбу и произнес короткое заклинание на старостигийском. Бирес вновь почувствовал себя полным сил.

— Правда? — с издевкой в голосе проговорил Слепец. — А я усмотрел там кое-что интересное. Вот только здесь слишком много лишних ушей.

После этих слов маги второго круга засобирались и направились к выходу.

— Нет-нет, уважаемые, — остановился их Карун-Ра. — Не утруждайте себя. Мы сами сейчас покинем это место. А вы побудьте здесь еще немного на случай, если у нашего костлявого друга вновь появится желание пообщаться.

С этими словами Слепец развернулся и пошел к двери. За ним последовали Бирес и тот маг, что несколько мгновений назад поймал его под руки. Звали его Арзарес. Еще один Хозяин ничуть не похожий на тот образ «страшного стигийца из Черного Круга», что рисуют перед прихожанами благопристойные митрианские жрецы. Арзарес был высок, плечист, обладал кошачьей грацией и совершенно бесхитростными чертами лица. Одна из жертв новой кампании Тот-Амона по поиску магических талантов. Страшно подумать, но всего два года назад Арзарес служил всего-навсего простым стражником в пригороде Кеми.

— Карфот, ты тоже с нами, — напомнил Слепец главе «лиловых».

Бирес тихо выругался себе под нос.

От зала оракула до покоев Карун-Ра путь был неблизкий. Однако Слепец решил не тратить времени попусту и, как только четверо путников вышли в коридор, он начал работать с заклинаниями пространства. Биреса аж передернуло, когда он представил, какие магические силы собирает в данный момент на себя Карун-Ра. Приходилось вносить изменения не в расстояние между объектами материального мира, а в ту магическую составляющую, призванную поддерживать равновесие в основном заклинании увеличения пространства, наложенном на поместье Хозяев. Бирес не сомневался, что ему самому не хватило бы знаний даже на то, чтобы просто вывести необходимую формулу, не говоря уж о её произнесении.

Таким образом четверо магов, сделав не более десятка, оказались в рабочем кабинете главы первого круга. Обстановка здесь была довольно экстравагантной. Стены были выкрашены в ярко

красный цвет. С них на людей смотрела пара десятков голов демонов самых различных видов. Некоторые из них даже подмигивали гостям. Пол был услан непонятными шкурами. Рядом с рабочим столом Слепца стоял аквариум. В нем плавало около пятнадцати рыбок, которые постоянно дрались между собой. В результате победитель пожирал побежденного. Некоторое время эта увеличившаяся вдвое особь плавала по аквариуму, пугая своими размерами остальных его обитателей, а затем начинала делиться. Получались две новые рыбки, обладавшие чертами и победившего бойца, и проигравшего. Но больше всего Биресу нравились здесь два деревца, которые всё время росли, но никак не могли вырасти. Самым занимательным было, что человеческий глаз легко отслеживал процесс роста, а вот момент, связанный с отмиранием, оставался скрытым. И только тот факт, что деревья еще не заполнили собой всё пространство, говорил о единовременности существования двух этих процессов.

По прибытии на место Карун-Ра тут же развалился в огромном плетенном кресле и жестом предложил гостям присаживаться. Бирес не долго думая сел на стол. Карфот расположился на единственном стуле. Арзаресу пришлось наколдовать себе небольшое креслице. Бирес тут же пожалел, что на его месте не оказался маг второго круга. Тому бы на такое заклинание знаний не хватило.

— Итак, начнем? — спросил Слепец. — Да, кстати, угощайтесь.

Семь слов на смеси староаргосского и кхарийского языков, и в руках у всех присутствующих возникли бокалы с красным вином. Бирес попробовал. Вино оказалось приятным на вкус. Стигиец решил, что стоит как-нибудь потренироваться на досуге. Формулу он вроде различил. Очень уж эффектное заклинание. Самое оно, чтобы произвести на кого-нибудь впечатление.

— Историю оракула ведь все знают?

Даже Карфот не смог удержаться от смешка. Историю оракула в Черном Круге знали все. Триста с небольшим лет назад в небольшой рыбацкой деревеньке под Луксуром родился мальчик. До тринадцати лет от остальных детей он ни чем не отличался. Родителям помогал, с другими ребятишками в игры играл. Одним словом, как все. А на свой тринадцатый день рождения он возьми да и скажи соседу, что у него послезавтра собака сдохнет. И что вы думаете? Сдохла. И с тех пор он чуть ли не каждый день вещать принялся. Да, всё сплошь гадости предсказывал. Сегодня рыбы не будет, завтра за податью придут, послезавтра вон тот дяденька к Нергалу отправится. Так с ним и мучилась деревня, пока его в пятнадцать лет в Луксур на обучение жрецы Сета не взяли. Про мальчика они слышали давно и спорили о нем много. В конце концов, решили, что предсказания у него столь неприятные от того, что он хороших вещей разглядеть не может. Стали его обучать. И действительно через два года характер видений переменился. Теперь это были войны, мятежи и болезни. Пошли разговоры, что от такого оракула вред один, и неплохо бы его в жертву принести. Последней каплей стало предсказание войны с Тураном. Вернее не самого факта войны, её Стигия сама долго и упорно провоцировала, а полного и безоговорочного поражения. Теперь судьба молодого крестьянина была предрешена. Его бросили на алтарь Сета. Жрец уже нанес ему несколько ритуальных ударов ножом в живот, призванных вызвать предсмертные мучения, и готовился перерезать несчастному горло, когда в храм прибыл посланник из Кеми. Оказалось, что при переводе одного из кхарийских текстов, найденного при недавних раскопках, обнаружилось весьма интересное пророчество. В нем говорилось, что родится однажды в бедной семье величайший предсказатель всех времен и народов. Ничего хорошего и доброго он людям не поведает, но ему уготовано судьбой спасти однажды весь мир. Вот так нежданно-негаданно и избежал смерти молодой оракул. Но раны его были столь серьезны, что теперь он не мог ни видеть, ни говорить, ни двигаться. Многие решили, что к это только к лучшему. Однако несчастья вокруг него происходить не перестали. Было похоже, что видения у него продолжаются, но рассказать о них

он никак не может. Несколько лет лучшие маги, специализирующиеся на составлении заклятий, работали над «сетью», что ловила бы обрывки предсказаний. В итоге они добились успеха, и это ознаменовало новый поворот в судьбе оракула. Когда стало окончательно ясно, что он всё еще вещает, храм Сета в Луксуре постарался как можно быстрее избавиться от полуживого тела. Но никто его забирать не желал. В дело пошли взятки, угрозы и смертоносные заклинания. Кое-как луксурцы тело пророческое сплавили. С тех пор оракул кочевал их храма в храм по всей Стигии. Надолго он нигде не задерживался. Когда жрецы осознавали, кого они пригрели на своей груди, то не жалели ни денег, ни влияния, чтобы вещающее тело оказалось от них подальше. Лет десять назад оракул переехал в Сартос. Услышь казначеи Аквилонии и Немедии о размерах взятки, полученной тогдашним главой первого круга, они бы удавились от зависти. К счастью, старик, это несчастье в город доставивший, вскоре скончался. Ходили очень упорные слухи, что ему в этом деле помогли некоторые соратнички. Бирес этим слухам верил и искренне жалел, что ему не посчастливилось принять личное участие в том заговоре. На смену покойнику пришел Карун-Ра. Слепец прикладывал огромные усилия к тому, чтобы от оракула отделаться. И насколько Бирес был в курсе, через пару месяцев тело должны были забрать. Стоило отметить, что за все те четыре года, что оракул провел в Сартосе, вреда от него не было. Молчал, как рыба. А тут, перед самой отправкой, взял да и выдал два предсказания за седмицу, гаденыш!

— Ну, и что вы думаете нам показало это недвижимое сокровище? — спросил альбинос, потягивая вино.

— По-моему, наш оракул перешел в новую стадию своего бытия, — предположил Бирес. Первым предстояло высказать ему, затем Арзаресу. Если Карфот считает нужным что-то добавить, то сделает это последним. — Боюсь, его сознание не выдержало столь длительного пребывания вне непосредственной связи с телесной оболочкой. Изначально у него были устные пророчества, потом видения, которые надлежало собирать в единую картину с помощью «сетей». Теперь же придется работать над новыми заклинаниями для превращения этого бреда в нечто доступное для понимания. А до тех пор просто воспринимать каждую попытку оракула пообщаться с внешним миром, как знак неведомых, но зловещих событий. С одним из таких нам придется столкнуться в самое ближайшее время. В то, что все вокруг сойдут с ума и погибнут в пламени, что охватит наш горячо любимый Сартос, я не верю.

Карун-Ра никак не отреагировал на слова Биреса, лишь продолжал наслаждаться сотворенным магией вином.

— Думаю, Бирес прав, — Арзарес был немногословен. Талантом гигант, возможно, и превосходил всех собравшихся в комнате, но из-за недостатка магического образования о некоторых вещах он рассуждать мог, исходя лишь из логических посылок. Бирес кивнул ему в знак одобрения.

Карун-Ра переключил свое внимание с вина на очередную дуэль в аквариуме. Карфот молчал, то ли не зная, что добавить, то ли не решаясь говорить без разрешения Слепца.

— Какие же вы скучные! — наконец произнес Карун-Ра, поднимаясь со своего кресла. Альбинос подошел к одной из демонических голов и почесал у той за ухом. Раздалось благодарное урчание. — Карфот, предложи мне версию, которая меня удивит. Эти двое на подобное явно не способны.

Бирес хмыкнул. Слепец нехорошо посмотрел на него.

— Ты говоришь о спасении мира? — спросил маленький человек, возглавлявший армию «лиловых».

Альбинос хлопнул в ладоши в знак одобрения.

— И-мен-но, — по слогам, произнес он, склонившись над Карфотом. — Почему не предположить, что время наконец пришло?

На лицах Азареса и Карфота отразились некоторые сомнения в чистоте рассудка расхаживающего перед ними мага. Бирес же громко расхохотался.

— Ты всегда отличался неординарным складом ума! — сказал он отсмеявшись. — Но такого, признаться, я никак не ожидал!

Карфот собирался что-то добавить. Но потом сообразил, что если он выскажет всё то, что у него на уме, то примет точку зрения ненавистного ему Биреса. Поборовшись немного с самим собой, глава «лиловых» отдал предпочтение молчанию.

— А тебе, Бирес, не достает воображения! — посетовал Слепец. — Почему бы не предположить, что мы в действительности увидели ближайшее будущее Сартоса. Безумие, огонь и смерть. Вполне возможно, что это один древних богов, решивших вернуться в наш мир, пробует силы. Сначала Сартос, потом Луксур, потом вся Хайбория.

Никто из гостей Карун-Ра не вдохновился идеями светловолосого мага. Было непонятно, к чему Слепцу устраивать этот спектакль. Древние боги вернуться никак не могли. Врата в наш мир были для них закрыты навечно. И даже, если бы произошло невероятное, то Сет, Митра и прочие быстренько бы отучили их от подобного баловства. Боги конкуренции не любят. Карун-Ра не мог не знать этого.

— Не верите? — со вздохом спросил альбинос, помолчал немного и улыбнувшись добавил. — Я тоже не верю. Просто ничего толкового в голову не приходит. Что за столь короткий срок может уничтожить целый город?

— Ты знаешь что-то неизвестное нам, что позволяет тебе столь категорично толковать слова оракула? — нехорошо поинтересовался Бирес. — Я же говорил, что не считаю нужным воспринимать видение буквально. Просто примем к сведению это предупреждение и будем ждать дальнейшего развития событий. Можно вызвать ученых магов из Луксура на случай новых видений. Пусть изменяют имеющиеся заклинания.

— Никакого Луксура! — гневно сказал Карун-Ра. Часть демонов опасливо зажмурилась. В аквариуме несколько рыбок приступили к процессу деления. — Только ставленников Тот-Амона нам здесь не хватало! В миг голов лишимся. Сначала шторм этот проклятый, теперь пророк. На нас и так все магические общества уже нехорошо посматривают: сначала торговлю артефактами развели, потом за ней же не уследили, потопив два-три десятка кораблей, а теперь еще и город поджечь собираемся. Черный Круг очень быстро найдет виновных в этом разгильдяйстве. Устроят показательный процесс над зарвавшимися магами, в результате которого все мы окажемся на костре или на плахе.

— Лично мне самым правильным толкованием представляется искаженное видение, — сказал Арзарес. — Так что хотя бы самим стоит поэкспериментировать над имеющимся заклинанием «сети».

Ни Карун-Ра, ни Бирес даже отвечать на это стали. Задача была принципиально непосильной.

— Итак, у нас три варианта, — подыточил Карфот. — Первый: неизвестное нечто угрожает Хайбории, и наш костлявый друг поможет это нечто остановить. За этот вариант говорят необычайность увиденного и появление в конце человека, до боли напоминающего оракула. Против «неизвестного нечто» говорит сам факт того, что подобные нечто в гости на огонек заходят крайне редко. Второй вариант: гибель Сартоса и всего его населения в некоем магическом пламени. Самое неприятное из всех толкований. Либо сгорим, либо потом казнят, за попущение. К счастью, в буквальное толкование увиденного верится с трудом, особенно вспоминая недавний бред оракула. При третьем варианте нас ждет неприятный сюрприз, масштабы которого предугадать невозможно.

— Хорошо изложил, — похвалил мага Карун-Ра. — Что бы там ни было, важно не

позволить этим пророчествам достигнуть ушей Тот-Амона. Будем сами держать оборону. Когда оракул делал не глобальные, а конкретные предсказания, они исполнялись в строго очерченные сроки. Третий-четвертый день после видений. Так что у нас есть некоторое время в запасе, и терять мы его не будем. Завтра днем «случайно» задействуем один артефакт, способный вызвать небольшую магическую бурю. Ничего страшного, но мгновенные перемещения и магическая связь с внешним миром исчезнут примерно на седмицу. Самое приятное, что нам это сойдет с рук. Я уже года три отсылаю в Луксур письма, в которых сообщаю о том, что некоторые из наших игрушек разваливаются прямо на глазах из-за невозможности обеспечить для них нормальные условия хранения ввиду недостаточного финансирования. Ничего вразумительного я в ответ так и не получил.

— Слепец, ты серьезно? — спросил Карфот. — У нас под боком склад неблагонадежных магических артефактов?

— Не совсем, — ухмыльнулся Карун-Ра. — Те, что и в самом деле повреждены, совершенно безвредны. Просто я счел нужным дополнить списки еще парочкой вещиц, что могли бы пригодиться в ситуации, вроде нашей.

— И в Черном Круге ни о чем не подозревают? — удивился Арзарес.

— Подозревать — подозревают, — ответил вместо Слепца Бирес. — Вот только денег на усовершенствование хранилищ очень сильно давать не хотят.

Карун-Ра подмигнул ему и с помощью заклинания пополнил пошатнувшийся запас вина в бокале мага.

— Всё. Хватит перемывать косточки неизвестных нам скупцов, — уже серьезно сказал альбинос. — Вернемся к более важным делам. Завтра мы займемся установкой этого самого барьера. Потребуются силы всех трех кругов. О истиной сути волшебства знать, разумеется, будем только мы. Представление я организую, что надо. Никто ни о чем не догадается.

— Справишься сам? — спросил Бирес. Обмануть в одиночку несколько десятков не самых слабых магов представлялось ему делом не простым.

— Сомневаешься? — спросил Карун-Ра.

— Ни капли, — ответил Бирес. — На всякий случай спросил.

— Вот и замечательно. По возникновению завесы у нас будет один день на подготовку к грядущему бедствию. Хотя на самом деле организовывать оборону мы начнем уже сейчас. Просто завтра, я надеюсь, у нас более четко обрисуется направление, по которому стоит работать. Должны же появиться какие-то предвестники.

— Потом два дня сражаемся, — продолжил речь Бирес, — а в оставшееся время ликвидируем сколь либо заметные свидетельства постигшего нас бедствия.

— Ну, да, — согласился с ним Карун-Ра. — Так и будем действовать.

— И кому поручат заниматься проблемой камня? — спросил Арзарес.

Бирес в очередной раз подивился бывшему солдату. Как же легко забыть, что перед тобой сидит не просто гора мускулов, а маг первого круга. Арзарес никогда не был говорлив, зато хорошо умел слушать и раскладывать услышанное по полочкам. Сочеталось это его качество с другим, которым большинство военных не обладало. Огромный стигиец умудрялся время от времени тыкать людей носом в те вещи, о которых они предпочитали не думать, несмотря на кажущуюся целесообразность подобных размышлений. Так ни один из досточтимых магов не затрагивал в разговоре проблему артефакта, носившего несуразное наименование «Исчезнувший камень».

За этим камнем несколько седмиц назад послали в поход одного пиратского капитана из тех, что постоянно крутятся в Сартосе, предлагая магам свои услуги. Недавно при переводе рукописи докхарийской эпохи Хозяева натолкнулись на упоминание того, что артефакт

«Исчезнувший камень» находится в заброшенном храме на одном из островов, неподалеку от Барахского архипелага. Никакой охраны, никаких защитных заклинаний. Приходи и бери. А вроде бы один из сильнейших артефактов созданных (найденных, извлеченных из других сфер?) магами Хайбории. Конечно же никто не поверил, что запись подлинная, но проверить на всякий случай всё-таки решили. Каково же было удивление всех Хозяев, когда означенный пиратский капитан взял да и уничтожил один из сигнальных амулетов, давая понять, что поход был успешен. Но радость была недолгой. Пират погиб в сердце неизвестного магического шторма, который помимо прочего погубил и десятки других кораблей. В Сартос тут же прибыли посланники всех магических сообществ Хайбории, наложили временный запрет на ненавистную им торговлю артефактами и принялись выяснять, что же произошло на самом деле. Хозяева предоставили заезжим гостям все сведения, которыми они располагали, только бы те убрались побыстрее. Тем более скрывать было нечего – типичный несчастный случай. Однако расследованию конца так и не было видно. Карун-Ра даже подумывал о том, чтобы дать этим магам седмицу на завершение всех дел. А по её прошествии вышвырнуть их всех подальше, чтобы не зарывались.

Когда оракул проснулся в прошлый раз, первой мыслью Биреса было то, что видения связаны именно с «Исчезнувшим камнем». Не верилось, что артефакт такой силы просто сгинул в морских глубинах. Подобные вещи сами тянулись к людям. Следовало ожидать, что вскоре какой-нибудь рыбак найдет его в своих сетях. В принципе, об «Исчезнувшем камне» было известно немногое. Некий колдун, предположительно лемуриец, с его помощью умудрился захватить практически полмира. Потом мага убили. Камень же был непонятным образом утерян. Так, кстати, название и возникло (истинное, думается, звучало покрасивее).

Артефакт этот на самом деле мог оказаться обычной выдумкой. Было слишком мало свидетельств, подтверждавших его существование. В Черном Круге его возвели в четвертую категорию: вещи магического происхождения, представляющее опасность для Стигии, сопредельных стран, мироустройства и божественного управления, вероятность существования которых с заметной степенью приближения оценивается в одну треть.

— Арзарес, ты знаешь, — обратился к магу Слепец, — иногда лучше молчать. Всё настроение испортил.

Огромный стигиец только пожал плечами.

— А-а! — махнул на него рукой Карун-Ра. — Камень, так камень. Будто других тем для обсуждения нет... Карфот! Снарядишь десяток своих людей, посмекалистей. Пускай штудируют книги, в которых времена активного существования камня среди людей описываются сколь-либо подробно. Пусть особое внимание обратят на использование его магических свойств в военных кампаниях. В общем, сам знаешь, что искать. Арзарес, ты, горе моё, займешься тем, что хорошенько изучишь последствия шторма. Материалов горы, но никто в них пока разбираться не пытался. Будешь первопроходцем. Ты — парень дотошный, может чего и раскопаешь. Бирес, тебе придется отправится на базар. Походишь по «Магической», послушаешь, что люди говорят, на побрякушки колдовские полюбувшись.

— Со шпионажем и «лиловые» по-моему неплохо справляются, — нахмурился Карфот. — Зачем поручать подобное дело дилетанту?

— Не заговаривайся! — остудил пыл главы лиловой гвардии Слепец. — Бирес нутром учит, если там что-то нечисто. Когда колдовать получше научишься, сам поймешь и не будешь лезть с глупыми замечаниями.

Карфот кивнул, но было видно, что он остался недоволен принятым решением.

— Теперь прошу оставить меня, — сказал Карун-Ра. — Мне надо поработать.

— Магический коридор откроешь? — с надеждой в голосе спросил Бирес.

— Ножками, ножками...

Карун-Ра щелкнул пальцами и дверь его кабинета отворилась, предлагая гостям свои услуги.

По пути к себе Бирес размышлял над тем, что будет с городом, если это и вправду «Исчезнувший камень». «Опасность для мироустройства и божественного управления» — вот аж как! Может тогда не стоило бы отгораживаться от остального мира. Кто знает, что их ждет послезавтра?

Маг вздохнул и попытался успокоиться. Всё-таки вероятность того, что предсказание связано с артефактом, мала. О свойствах камня практически ничего не было известно, крохи информации о лемурийском колдуне. Хроники даже не сохранили его имени, как и истинного названия камня. Если маг завоевал полмира упоминания о нем должны были остаться. Только если это не одна большая выдумка. Похоже, что именно так всё и обстояло.

Глава 2.

«О хлебе и зрелищах»

Матросы под командой Зелтрана, как могли, приводили в порядок «Вестрел». Капитану Конану с величайшим трудом удалось вывести корабль из магического шторма. Только теперь это было не гордое морское судно, а всамделишнее деревянное корыто. Занять денег у местных магов на приведение его в прежний вид, насколько был в курсе Зелтран, у Конана и Сигурда не получилось. Но видимо какое-то прибыльное дело всё-таки подвернулось им под руку. Во всяком случае Конан через одного из местных мальчишек передал боцману, что седмицы на три они с Сигурдом покинут Сартос. По истечении этого срока Зелтран должен был принять на себя командование кораблем, а до тех пор ему было велено «латать дыры». Этим он в данный момент и занимался.

Три дня назад море успокоилось. Рыбаки, начинавшие понемногу выходить на промысел, говорили, что на некотором расстоянии от берега всё еще штормит. Хозяева с помощью своей магии, наверное, могли заглянуть чуть подальше, но делиться с моряками увиденным они не спешили. Ежедневно за два колокола до полудня они присыпали продовольствие на корабли, пострадавшие во время шторма. Зелтран несколько раз подбивал на разговор «лиловых», один из которых в обязательном порядке сопровождал посылку. Боцмана интересовало, когда магические сообщества Хайбории снимут свой запрет на торговлю с Хозяевами. «Лиловые» делали самые невинные лица и говорили, что ни о каких запретах не слышали! Как же! О том, что Хозяева научили со штормом и теперь вынуждены дожидаться окончания расследования, прекратив на время большинство сношений с внешним миром, судачил весь Сартос. Наверняка сами стигийцы эти слухи и распустили. Следовало признать, что это было довольно тонким ходом. Местные жители уже с седмицу нехорошо поглядывали на людей, напоминающих магов и не напоминающих стигийцев. Моряки же так вообще были готовы на клочки порвать заезжих магических ищек. Зелтран исключением не был.

До крайнего срока описанного Конаном оставалось четыре дня. Зелтран верил в своего капитана. Какую-то сумму они с Сигурдом точно достанут. Вот только хватит ли этих денег на полную починку корабля и на жалование команде, это большой вопрос. Потому когда вчера на корабль прибыли двое шемитов и предложили заем, боцман, не долго думая, распорядился проводить их к нему в каюту. Но нормального разговора не получилось. Гости начали плести непонятные сказки о том, что им надо получить первоначальное согласие всех капитанов пострадавших кораблей. Об условиях займа ничего не говорили. В итоге сошлись на том, что назавтра Зелтран пошлет одного из своих людей к шемитам узнать, как проявляются их переговоры.

Выбор пал на Грува. Седой пират был по разумению Зелтрана одним из самых башковитых людей, его окружавших. Некогда Грув был красавцем, но ныне его лицо было обезображенено огромным лиловым шрамом. Где он его заработал, моряк никогда не рассказывал.

Боцман «Вестрела» подозревал, что в молодости Грув служил в гвардейском отряде одной из закатных стран. Пират говорил на пяти языках, писал на трех, неплохо разбирался в торговом деле. Где-то же он должен был всему этому обучаться. Для студиоса Грув был слишком хорошим фехтовальщиком, на дворянина просто похож не был, манеры совсем не те. Конечно, возможно он, подобно Конану, насобирал знаний с миру по нитке. Но Зелтран в это не верил.

Боцман коротко рассказал Груву о предложение шемитов и наказал ему самому смотреть и

решать. В то, что купцы смогут предложить нечто серьёзное, Зелтран не верил. Ну, дадут они денежки, и что после этого помешает морякам внезапно забыть о своих обязательствах? Маги могли проконтролировать пиратов, и потому обманывать их никто не спешил. Только шемиты к магии никакого отношения иметь не могли, иначе бы их действия попали под запрет о торговле. Получалось, что вчерашние визитеры были то ли мошенниками, то ли идиотами, вроде местных митриан.

Пообедав, Зелтран отправился к себе в каюту отдохнуть и ждать новостей. Чтобы времени даром не терять боцман достал из шкафчика чернильницу, перо, кипу бумаг и только собрался немного поработать, как в дверь постучали.

— Входи!

Визитером оказался Грув. Выражение лица у седого пирата было донельзя серьезным. Похоже купцы смогли его удивить.

— Давай, садись. Рассказывай, что случилось.

Грув вопросительно посмотрел на кувшин с вином, стоящий на столе рядом с письменными принадлежностями. Зелтран кивнул, и моряк, схватив сосуд, сделал несколько жадных глотков. Вытерев рот рукавом рубахи, Грув пододвинул к себе стул, оседлал его и принялся рассказывать.

— Представляете, боцман, эти бородатые прохиндеи умудрились таки собрать у себя капитанов всех спасшихся от шторма кораблей. Даже неудобно как-то вышло. Получается, что только мы офицера не прислали. Но купцам похоже всё равно было, им корабли нужны, а не люди.

— Не тяни. Говори, что предложили!

— Нелепицу они какую-то предложили, — отозвался Грув. — Для начала потребовали, чтобы никто из присутствующих о разговоре этом не распространялся. Все, разумеется, дружно головами кивать начали. Мол, ни кому да ни в жизни. Дурака обмануть дело, как известно, правое. Шемиты вроде поверили и начали говорить о предстоящей сделке. В качестве задатка, вы только вдумайтесь, боцман, сорок золотых стигийской чеканки предложили.

— Во те на! Мы с такими деньгами наш кораблик за седмицу залатаем. Будет плавать лучше, чем раньше.

— Постойте, вы дальше послушайте. Я же тоже в начале было обрадовался. Решил, что в обмен нам пару шкатулок с черным лотосом вручат и карту с тихой гаванью в Аргосе или Зингаре. Контрабандой заниматься, конечно, непривычно, но в нашей ситуации выбирать не приходится. Но нет. Оказывается купцам всего лишь надо доставить груз зерна в Аквилонию.

— Зерна?!

— Пшеницы, если вам это интересно.

— Может, всё-таки это лотос, — предположил Зелтран. — Растворяют порошок в воде, потом полученной смесью пшеницу пропитывают. А на месте с помощью магии отделяют лотос от злаков.

— Хорошо придумано, — согласился седой пират. — Но опять же под запрет о магической торговле подпадает. Если Хозяева признают, что на их несчастье деньги кто-то делает, наглецу мало не покажется. Зерно нам, кстати, предъявили. На вид вроде нормальное. Ни магии, ни лотоса.

— Бред.

— Вот и я о том же. Клянусь Митрой, боцман, хотел я от их предложения отказаться. Но шемиты проклятые условие поставили, что либо все присутствующие договор подпишут, либо никто ничего не получит. Почти все сразу же согласились. Только три человека осталось, как я, сомневающихся. Ну, нам и намекнули, что если будем продолжать упорствовать, то их команды пустят кровь нашим. Одним словом, выбора у меня не оставалось.

— Не нравится мне это.

— Мне тоже. Попахивает большими неприятностями.

— Смотри, Грув! — повысил голос Зелтран. — Команде ни слова о произошедшем. Сходил на берег, получил деньги, договорился о доставке в Аквилонию неизвестного груза. Пусть ребята сами голову поломают, что нам везти предстоит. Правду им знать необязательно, особенно такую.

— Понял, боцман, — ответил Грув.

— Можешь идти.

Грув поднялся и направился к двери.

— Еще одно, боцман, — добавил моряк, уже практически стоя на пороге. — Мы тут с ребятами вечерком одно заведенице собираемся навестить. Пойдете с нами?

Зелтран брезгливо прищурился.

— «Морского Змея», что ли? Не пойду. Не могу я с девкой кувыркаться, когда вокруг всё магией дышит.

— Не, мы не в «Змее», — покачал головой Грув. — Мне знакомые с «Летящим», который от нас неподалеку стоит, рассказывали: у базара не то таверну, не то бордель какой открыли. Недавно. Вчера или позавчера. Вот мы и хотели сходить посмотреть, что там и как. Магии вроде быть не должно.

— А на какие деньги тогда гулять собирались? — поинтересовался Зелтран. Все золото, бывшее в распоряжении команды, еще две с половиной седмицы назад взяли с собой Конан и Сигурд, которые по сей день не вернулись. От голодной смерти пиратов спасли стигийцы, которые, пытаясь загладить вину, наладили поставку продовольствия на все пострадавшие от шторма корабли. А еще десять дней назад Хозяева во избежание волнений среди моряков, приняли решение взять на себя оплату услуг девиц из «Морского Змея». Правда, этих самых девиц порой на всех не хватало, и по этому поводу случались замечательные драки, в которых успела покалечиться половина матросов с «Вестрела».

— Новенькие тоже нам сочувствуют, — ответил Грув. — С моряков денег не берут... Во всяком случае, мне так ребята с «Летящим» сказали.

— Чушь какая! — удивился Зелтран. — Сначала зерно, за которое платят золотом, теперь шлюхи, что морякам за просто так отдаваться готовы. Ладно, схожу я с вами, посмотрю на это чудо.

— Я зайду тогда? — спросил Грув.

— Заходи. Я пока порисую немного.

Когда Грув вышел, Зелтран взял кувшин и одним махом допил вино. В городе происходило нечто странное. Боцман в совпадения не верил. Вот только, как связать между собой странных шемитских купцов и девиц, которые не берут денег за свои услуги? Какое-то время Зелтран ломал голову над этой загадкой. Потом махнул рукой, решив, что лучше потратить оставшееся до визита в Сартос время, не на построение бесполезных догадок, а на составление карт с проливами Барахских островов. За подробные лоцманские схемы на «Морской» части базара давали неплохие деньги. На полный ремонт корабля, конечно, не набираешь, но какой-то запас на крайний случай иметь следовало.

Разметка рифов и мелей у Зелтрана сегодня шла на удивление плохо. В голову постоянно лезли мысли о странном грузе, который они устами и росчерком Грува обязались доставить. К тому моменту, когда в дверь каюты боцмана постучали, Зелтран закончил лишь две карты, успев испортить пять заготовок. Вместе с Грувом на берег собиралось еще трое матросов, все довольно молодые.

Солнце еще не успело опуститься за горизонт, но воздух уже начал заметно свежеть. Для

согрева пустили по кругу бурдючок с вином. Зелтран планировал оценить происходящее в новой таверне трезвым умом и от напитка поначалу отказывался, но потом всё-таки присоединился к общему веселью. В сознании у боцмана появилась предательская мысль, что, возможно, будет лучше просто отдохнуть вместе с остальными, чем заниматься поиском ответов на ненормальные вопросы.

Через полколокола Грув вывел всю честную пиратскую компанию к небольшому приземистому домику. Окна в данном сооружении отсутствовали, как факт. Что-то подсказывало боцману, что бордели так выглядеть не должны.

— Здесь? — удивленно спросил у матроса Зелтран.

— Здесь, — как-то нетвердо ответил Грув.

— Уверен? — переспросил Зелтран.

— Не до конца, — не стал кривить душой моряк.

В этот миг дверь домика отварилась, и на улицу вышел огромный просто до неприличия толстый стигиец. Поначалу он не заметил шестерых матросов, стоящих неподалеку, и только сладко потягивался, наслаждаясь вечерней прохладой. Зелтран, чтобы привлечь его внимание, тихонечко кашлянул.

Желаемый эффект был достигнут. Развернувшись к пиратам, толстяк отвесил им несколько глубоких поклонов, что при его комплекции можно было считать подвигом. На лице появилось стандартное для зазывал выражение «добро пожаловать, гости дорогие».

— Прошу, прошу! — толстяк яростно замахал руками, оттесняя пиратов ко входу в заведение.

— Посетители. Мы так рады посетителям. Вы просто не можете себе представить!

— Постойте, погодите, — Зелтран попытался немного остыть пыл радушного хозяина. — Понимаете, мы слышали, что ваше заведение предоставляет потерпевшим бедствие морякам точно такую же скидку, как и «Морской Змей».

— Абсолютнейшая правда, — сказал толстяк. — Мы не возьмем с вас ни единой монетки. Всё совершенно бесплатно. Проходите, проходите же!

Зелтран отметил про себя, что другого-то выхода у них и не оставалось. Тушка зазывалы надежно перекрыла все возможные пути отступления.

— Ну что, ребята, слышали? — хмыкнул боцман. — Платить не нужно. Вы главное смотрите, не особо уж усердствуйте. Поосторожнее там! Девчонок не попортите. Ха-а!

Оставалось надеяться, что моряки поймут, что он имел в виду на самом деле. Грув похоже и сам сообразил, что что-то тут не чисто, а вот за остальных Зелтран беспокоился. Боцмана не оставляла в покое мысль, что они идут прямо в пасть ко льву.

Обстановка в борделе была богатой и совсем не соответствовала внешнему облику заведения. В дальнем конце комнаты располагалась сцена. Вдоль стен стояли мягкие диванчики, на которых могли с комфортом для себя расположиться посетители. Сами стены были обиты синим бархатом.

Толстяк трижды хлопнул в ладоши, и из помещения, находящегося за сценой, вышли двенадцать девушек. Лица их были раскрашены под различных птиц и зверей. Одежды на девушках не было. Приблизившись к морякам, они взяли под руки каждого из них и повели на диваны. Зелтрану достались диковинные для Стигии «сова» и «рысь».

— Устраивайтесь поудобнее, сейчас начнется представление, — сказал толстяк и вновь трижды хлопнул в ладоши.

Свет в зале погас. Девушки начали бесстыдно ласкать Зелтрана. Пока «рысь» целовала боцмана в шею, «сова» аккуратненько распускала шнуровку на его рубахе. В темноте раздались шаги. Зелтран было насторожился, но оказалось, что это всего одна из служанок принесла гостю вино. Напиток на вкус боцмана был излишне сладок и, сделав пару глотков, он отставил бокал в

сторону.

Зелтран вновь сосредоточился на девушках. Он целовал то одну, то другую, но переходить к более решительным ласкам не спешил. Толстяк что-то говорил о представлении, которое вот-вот начнется. Будет глупо, если вновь зажгут свет, а он окажется без штанов.

Откуда-то справа начали доноситься характерные стоны. Кто-то из пиратов решил не ждать у моря погоды, а начал действовать. Зелтран махнул рукой на приличия, притянул к себе правой рукой «сову» (а может всё-таки «рысь», темно же), а левой начал возиться с ремешком на штанах. В этот миг над сценой появилось голубоватое свечение. Зелтран немного отстранил от себя девушек и стал ждать, что будет происходить дальше.

Зазвучала музыка. Стоны справа прекратились. На сцене появился высокий мужчина с длинными седыми волосами. Видимо крашеными, решил Зелтран, потому как мужчина был достаточно молод. Одет он был во всё черное. Это лишний раз подчеркивало его неестественно бледный, словно у покойника, цвет лица. На губах незнакомца играла едва заметная улыбка.

— Я рад приветствовать вас в моем скромном заведении, — обратился седоволосый к пиратам. — Сегодня вас ждет увлекательнейшее путешествие в мир иллюзий и блаженства. Я открою вам многие сокровенные тайны, вы сможете окунуться в непостижимое. Я проведу вас тайными тропами к истокам наслаждения. Я научу вас всему, что надо знать. Начнем те же!

Зелтран был весь внимания. Странный тип с невероятно бледным лицом ему очень не понравился. Боцман уже пожалел, что согласился сопровождать Грува. Можно, конечно, было встать и уйти, но что-то подсказывало ему, что это будет та ошибка, за которую придется заплатить жизнью.

Свет над сценой погас. Затихла музыка.

— Много лет назад, — вещал из темноты голос седовласого, — когда боги еще были молоды, когда огонь только-только покорился человеку, на земле существовало неведомое количество культов. Кто-то обещал людям богатые урожаи, кто-то говорил о великих военных победах, а кто-то говорил о наслаждение. О том наслаждении, что приходит через боль. С тех пор прошли столетия и все эти учения рассыпались прахом, но я сумею обратить время назад, чтобы вы своими глазами увидели, как все было. Увидели и, разумеется, испытали.

Несколько мгновений ничего не происходило. Тишина и темнота.

Затем вновь появилась музыка. Но теперь это были барабаны, а не флейты, что звучали ранее. Над сценой один за одним стали появляться языки пламени. Сначала они были неподвижны, но затем пустились в безумный пляс, следуя ритму, заданному барабанами.

— Точно так же в те времена шаманы заклинали огонь, прося у него силы для двух избранныков, которые назначили себе свидание в урочный час.

Огни мелькали с такой скоростью, что постепенно Зелтран перестал отделять один от другого. Боцману почему-то пришло на ум, что это пляска очень похожа на ту, которую должен исполнять мотылек, принявший в себя пламя свечи. Наслаждение через боль... и смерть.

— Избранного вводили в центр круга и давали ему особого вина.

На сцену ведомый «львицей» и «олененком» взошел один из матросов. Вышедший из темноты седоволосый и протянул ему бокал с неизвестным напитком. Матрос улыбнулся и принял угощение.

— К сожалению, секрет напитка погиб вместе с теми богами, что преподнесли его человеку. Попробовавший сего вина переставал чувствовать любую боль. Он обретал великую мощь. Сгорая изнутри, он изливал себя всего в тот миг наслаждения, что уготовили для него жрецы.

«Львица» и «олененок» раздели молодого пирата и принялись натирать его тело маслом. Тот лишь бесполково улыбался. Зелтран понимал, что должен вмешаться, но ни руки, ни ноги его

не слушались. Он силился что-нибудь крикнуть моряку, но не мог издать ни звука.

Когда уже каждый участок загорелой кожи пирата блестел в отблесках продолжающего свой безумный танец пламени, на сцене появилась еще одна девушка. Она была высока, очень хороша собой, с округлой грудью и упругими бедрами. На лице её краски не было. Похоже, изображала она самою себя.

— Когда избранник был готов, — сказала девица хрипловатым голосом седовласого, — в круг входила девушка, согласившаяся вобрать в себя его пламя.

Пират сделал к девице первый неуверенный шаг, затем еще один. Наконец он заключил её в объятьях и, недолго думая, взял её. Девушка не возражала. Улучив момент, она развернула голову в сторону пиратов и продолжила свои объяснения происходящего, при этом не отрываясь от основного действия.

— Распаленный напитком избранник впадал в состояние экстаза. Он старался выплеснуть из себя ту энергию, которую копил в себе всю свою жизнь. Огонь любви должен был стать первой искрой.

Зелтран не мог ни миг оторваться от действия. Происходящее казалось ему невероятным, чудовищным, но в то же было удивительно притягательным. Так, собравшаяся на казнь толпа, любуется работой опытного палача. Седовласый был мастером своего действия.

— Но за первой искрой непременно следовала и вторая, — хриплым голосом произнесла девица, одновременно постанывая от ласк моряка.

Огоньки прекратили свою безумную пляску. Некоторое время они словно следили за движениями парня и девушки. Потом один огонек медленно приблизился к паре и опустился на растерпту маслом спину моряка. За ним последовал еще один. Потом еще двое. Один за одним они устремлялись к пирату. Он уже полыхал, но не прекращал своих телодвижений. Начали отваливаться куски мяса, обугливались кости, а он всё двигался. Зелтран был немало удивлен тому, что пламя перекинулось и на девушку. За миг до того, как пират и девица рассыпались прахом, голоса любовником слились в едином безумном крике наслаждения.

На сцене появился седовласый. Он наклонился, поднял с пола горсть пепла, оставшегося от двух избранных. Несколько мгновений он держал его перед собой, любовно разглядывая.

— Правда, они были хороши? — поинтересовался он. — Я давно не испытывал подобного удовольствия. Вот это смерть! По-моему о большем и мечтать нельзя. Хотя... Это было только начало. Мы продолжаем.

Вдруг раздался стук в дверь. Седовласый выглядел несколько ошарашено. Похоже, он не ожидал подобного развития событий.

— Прошу простить меня великодушно, — обратился он к пиратам. — Мы прервемся ненадолго.

Седовласый направился к двери. При этом он прошел буквально в двух шагах от Зелтрана, и боцману показалось, что хозяин борделя не дышит.

— Кто там? — поинтересовался бледный.

— Я! — голос принадлежал женщине. И было похоже, что его обладательница уже теряла терпение. — Открывай скорее, дурак!

Седовласый не стал спорить и сразу распахнул дверь. В комнату влетело тело толстяка. У бедняги было перерезано горло. Затем вошла белокурая воительница, обряженная в кольчугу. Если бы Зелтран мог, он бы расхохотался. Как эту девицу еще никто не убил и не снасильничал, было непонятно. Очень уж вид был у неё вызывающий и вооружение бестолковое. Но тут боцман обратил внимание, что с неестественно длинным мечом соседствует очень аккуратненький кинжал, как раз под руку девице. Из-под кольчужки выглядывал кожаный жилет, а звенья самой кольчуги как-то странно поблескивали. Боцман был готов об заклад биться, что сделана она

была из какого-то непрочного, но очень легкого металла. Мишуря, благодаря которой, девицу просто не принимают всерьез. Толстяк, похоже, совершил именно эту ошибку, и результат, как говорится, на лицо.

— Он не хотел меня пускать! — заявила седовласому девица.

— Правильно. Я ему запретил, — ответил бледный хозяин борделя. — У меня тут представление.

— У тебя всегда представление, — как-то обиженно произнесла девушка.

— Ты, как всегда, права, милочка, — не стал спорить седовласый. — Так что же заставило тебя отнять жизнь у не самого плохого моего слуги? Откуда такая срочность? Ты же знаешь, что я в любом случае выкроил бы для тебя время. Или ты столь нетерпелива?

Девушка была красной от едва сдерживаемой ярости.

— Я видела твоего брата!

— Которого? — встрепенулся вмиг посерезневший седовласый.

— Откуда я могу знать? — удивилась девушка.

— И то правда, — махнул рукой бледный и добавил. — Слушай, а он тебя не заметил? Ты ведь могла привести его прямо ко мне. Милая, скажи, что ты этого не сделала.

— Нет, конечно же, — улыбнулась девушка. Зелтран как-то сразу не обратил внимания, что она была настоящей красавицей. Огромные зеленые глаза, пухленькие губки, чуть вздернутый носик. — Я за последние седмицы Сартос от и до изучила, так что скрыться в его закоулках для меня не проблема.

— Удивительно, но я никогда не смотрел на тебя с этой стороны. Приготовься, сейчас ты испытаешь очень необычные ощущения. Такого мы с тобой еще никогда не проделывали.

Седовласый сделал шаг в сторону девицы. И упал замертво. Белокурая посмотрела на распостертое перед ней тело, развернулась и вышла прочь.

Зелтран попробовал пошевелить рукой. Не получилось. Хотелось верить, что со временем к конечностям вернется подвижность. А в настоящий момент оставалось только сидеть и ждать. Рано или поздно кто-нибудь из моряков заглянет в бордель и освободит их. Интересно, а девушки всё еще рядом?

Тишину нарушили три хлопка в ладони. В комнате вновь зажегся свет. Девушки исчезли. На краю сцены сидел толстяк в окровавленной рубахе. Горло его было целым.

— Понравилось представление? — обратился он к пиратам.

Зелтран попытался задать ответный вопрос «что происходит», но не сумел. Магия седовласого все еще действовала на него.

— Чего молчите? — недоуменно произнес толстяк. — Мне лично не понравилось. Мир иллюзий и блаженства, познание наслаждения через боль. Братишко всегда был немного извращенцем. Но ненормальным почему-то называют меня, а не его. Странно это.

Толстяк соскочил со сцены, подошел к дивану, на котором сидел Зелтран, взял оставленное пиратом вино и допил его.

— Синий бархат, синий бархат, — сказал он, проведя пальцем по стене. — По-моему с ним связано какое-то его воспоминание. Он не очень-то сентиментален, но ведь в любом правиле есть исключения. Что же вы молчите?

Толстяк наклонился к Зелтрану и посмотрел боцману прямо в глаза.

— Скажи же мне, почему ты молчишь? Ты, наверное, не хочешь со мной разговаривать или... не можешь?

Зелтран постарался кивнуть без особой надежды успех. Удивительно, но получилось.

— Вас заколдовали? — притворно ужаснулся воскресший мертвец. — Тогда я просто обязан вам помочь. Сейчас я прочитаю заклинание, и всё встанет на свои места. Улок-кубулюк-

трапалюк! Хлоп!

Одновременно толстяк направил палец на одного из пиратов. С руки заклинателя сорвалась искра и медленно полетела к цели. Когда она коснулась пирата, того объяло небольшое облачко, и вскоре он превратился в золотую статую верховного вендиjsкого божества.

— Не получилось, — признал свою ошибку толстяк и поинтересовался у Зелтрана. — Или он всегда таким был? Нет. Жаль, не повезло парню. Попробуем еще раз. Крахабак-ляперак! Шпяк!

Теперь целью был избран сам Зелтран. Боцман с ужасом наблюдал за приближающейся искрой. Когда она коснулась его груди, каскад боли накрыл моряка, и он потерял сознание.

Глава 3.

«О том, чего на свете, ну ни как не может быть»

До начала полного собрания второго и третьего кругов в заклинательной зале оставалось еще полколокола. Чтобы попусту не терять время, Карун-Ра решил еще раз обсудить общий план действий с Биресом, Арзаресом и Карфотом.

Бирес еще вчера вечером доложил главе первого круга о результатах своего похода на «Магическую» часть базара, вернее о практически полном отсутствии этих самых результатов. Арзаресу, насколько он знал, вроде бы удалось найти что-то интересное. Карфот же похоже потерпел неудачу.

Слепец стоял рядом со своим аквариумом. Рыбки, словно чувствуя близость хозяина, оживились. Драки стали более ожесточенными. Бирес проверил магическое поле вблизи альбиноса. Карун-Ра не колдовал. Скорее всего, обитатели аквариума просто воспринимали настроение хозяина и в зависимости от ощущений меняли степень своей агрессивности. Если эта догадка верна, то мысли у Слепца сейчас были отнюдь не радужные.

— Мне больше всего нравится вот этот, синий, — сказал альбинос, указывая на средних размеров рыбешку. От остальных она отличалась тем, что плавала несколько... дергано. — Он родился вчера вечером, сразу после того, как вы ушили, и до сих пор не проиграл ни одной схватки. Хитрый тип. Смотрите.

Навстречу синему плыла крупная желто-красная полосатая рыбка. Любимец Карун-Ра сначала спокойно двигался ей навстречу, а потом неожиданно стал забирать вверх. Полосатый, сочтя подобное поведение явным проявлением трусости, проигнорировал маневр синего и продолжил плыть по прямой. Но тут внезапно синий своим коронным дерганным движением развернулся вокруг собственной оси и набросился на полосатого сзади. Через несколько мгновений жертва была разодрана на мелкие кусочки и съедена. Синий увеличился в размерах. Бирес с нетерпением ждал того момента, когда он начнет делиться. Вот он раздулся, вот вырос второй плавник, еще немного и будет две рыбки вместо одной.

— Этого я немного не понимаю, — прокомментировал Карун-Ра, — но вмешиваться пока не хочу.

Вместо большой синей рыбки, теперь плавали две маленькие. Зелено-фиолетовая в полоску и... синяя. Причем стиль передвижения последней по аквариуму полностью копировал манеру плавания её прямого предка.

Некоторое время все четверо молча наблюдали за синей рыбкой. Бирес был готов спорить, что каждый из магов думает, нет ли какой-нибудь связи между поведением любимцев Карун-Ра и недавними пророчествами полуживого оракула. Хотя, возможно, что это всего лишь маленький спектакль с непонятной целью, разыгранный Слепцом.

— Ладно, — сказал альбинос. — Давайте вернемся к нашим насущным проблемам. Пусть каждый еще раз поделится тем, что ему удалось разузнать. Может совместными усилиями и соберем эту мозаику. В одиночку у меня ничего не вышло. Бирес, мы слушаем тебя.

Худощавый маг подошел к столу. Налил себе немного настойки из графина. Пользоваться магией не хотелось. Через полколокола поколдовать удастся вдоволь. Напиток горчил. Зато опьянение от него было хорошим. Голова очищалась, мысли текли быстрее.

— Ничего существенного мне вчера не попалось. Вроде бы всё, как обычно. Один маг на десяток мошенников. Нашлось несколько не совсем понятных личностей, которые меня

заинтересовали. Попытался копнуть их поглубже.

— Что?! — Карфот позеленел. Реакция нормальная и предсказуемая. Если бы одного из Хозяев застукали за использованием подобных заклинаний до окончания расследования, скандал поднялся бы еще тот.

— Я аккуратно, — пожал плечами Бирес. — Никто ничего не заметил. Зато я сумел найти нечто насколько удивительное, настолько и приятное. Заинтересовавшие меня маги проверяли те артефакты, что сбываются на «Магической». Искали подлинники, негодяи. Под шумок так, надеялись, что мы на подобную наглость рассчитывать не будем. Так что, теперь нам есть, что предложить нашим дорогим гостям, когда они начнут дружно возмущаться по поводу нашего сегодняшнего колдовства.

— Всё это, конечно, замечательно, Бирес, — неторопливо произнес Арзарес. — Но тебе удалось обнаружить что-нибудь, связанное со вчерашним пророчеством?

Бирес взял небольшую паузу, обдумывая стоит ли делиться некоторыми из своих предположений. Наконец он решился.

— Слепец, это сложно передать словами. Просто смутные ощущения. Вчера на «Магической» происходило нечто странное, хотя сторонний человек вряд ли бы это заметил. Разговоры, что вели меж собой продавцы и покупатели, были немного иными. Даже интонации изменились. А еще мне не понравились лица. Улыбки, где их не должно быть, ярость, что проявляется абсолютно не к месту. И таких мелочей сотни, если не тысячи. Я пытался проникнуть в суть своих сомнений, понять, в чем же здесь проблема. Но ничего не вышло.

— Мои люди тоже говорили о чем-то подобном, — добавил Карфот.

Это был весомый аргумент. Бирес понял, что не ошибся. Раз уж его заклятый враг соизволил с ним согласиться, да при этом еще и колкости не вставил, значит, дела обстояли совсем плохо.

— Безумие охватывает Сартос? — сказал Карун-Ра. Кому он адресовал этот вопрос, осталось загадкой. То ли себе, то ли гостям...

Вертлявая синяя рыбка расправилась еще с одним сородичем. Бирес почувствовал, как в нем зреет желание прихлопнуть этого питомца Карун-Ра.

— Возможно, что всё происходящее, — сказал Арзарес, — это результат воздействия «Камня».

— Я склонен с тобой согласиться, — кивнул магу Слепец. — Расскажи остальным, что тебе удалось узнать.

— Вчера я ходил в библиотечный архив. Меня интересовало всё, что касалось попавших в шторм кораблей. То, откуда они отправлялись, куда держали путь, по какому курсу двигались. Я помнил, что «лиловые» пару седмиц назад ходили по кораблям и выясняли у капитанов что да как. Взяв себе в помощники библиотекаря из бывших моряков, я поделил область шторма на участки, и принялся вычислять, в которых большего всего кораблей на дно отправилось. И мне открылась интересная картина. Участки, что дальше всего находились от сердца бури, оказались самыми безопасными, за одним исключением. Те корабли, что пересекали отрезок пути от Сартоса до центра шторма, неизменно шли ко дну. Получилась своеобразная полоса смерти. Я считаю, что именно по ней двигался «Камень». Корабль, везший его, погиб не в самом начале бури, как мы предполагали, а в тот момент, когда до Побережья оставалось два-три дня пути. Что погубило его, не знаю. Но, возможно, мы еще живы только благодаря тому, что «Камень» не достиг тогда берегов.

— Как видите, картина безрадостная, — сказал Карун-Ра. — Мы знаем, что «Камень» где-то рядом, но ничего не знаем о нем самом. Людям Карфота не попалось ни одной, достойной внимания записи.

— Слепец, ситуация очень серьезная, — обратился к главе Хозяев Бирес. — У меня всё

меньше уверенности в том, что предсказание нельзя толковать буквально. Возможно, не стоит ставить «завесу».

— Справимся без Тот-Амона, — заявил Карун-Ра. — Если всё и вправду так плохо, как тебе представляется, то мы вполне можем рассчитывать на помощь оракула в спасении нашего бренного мира.

Бирес неодобрительно покачал головой, но возражать не стал.

— Время, — напомнил Арзарес. — Нам пора отправляться.

Карун-Ра кивнул и начал читать заклинание. Бирес немного этому удивился. Он думал, что Слепец решится поберечь силы и на этот раз обойдется без магических тоннелей, тем более что в саму заклинательную залу открыть проход было невозможно. Слишком большие магические силы были сосредоточены внутри нее. Сами стены залы за долгие годы успели насквозь пропитаться остатками брошенных там заклятий. Слепец мог доставить их кампанию лишь в один из близлежащих от залы коридоров. Так что, хочешь — не хочешь, а прогуляться всё равно придется.

Слепец завершил заклятье, вытер рукавом хламиды пот со лба и подмигнул Биресу.

— Не сомневайся, мы победим! И без всяких Тот-Амонов.

— Хотелось бы верить, — сказал Бирес и вступил в открывшийся портал.

А когда вышел из него, то так и замер с отвисшей челюстью. Даже то, что его созерцают больше полусотни магов двух низших кругов, не могло привести его в чувства. Карун-Ра только что сделал нечто невозможное. Достань альбинос луну с неба, маг удивился бы этому куда меньше.

Из ступора Биреса вывел немилосердный толчок в спину. Арзаресу надоело ждать того момента, когда ему наконец соизволят освободить дорогу. Тому, что портал открыли непосредственно в заклинательную залу, гигант нисколько не удивился. Во всяком случае, на лице его это никак не отразилось. Вошедший третьим Карфот вскинул правую бровь и этим ограничился. Бирес решил, что здесь сказывалась его работа с «лиловыми». Конфиденту стоять с открытым ртом не должно.

Карун-Ра вошел в залу с таким видом, будто порталы сюда он открывал чуть ли не ежедневно. Окинув взглядом комнату и убедившись, что все на своих местах, он прошел к месту первого заклинателя, точке, на которую сводилась вся магическая энергия, концентрировавшаяся в комнате. Устройство заклинательной залы позволяло обойтись без таких устаревших приемов, как создание колдовского круга. Маги просто занимали те позиции, которые соответствовали их непосредственным задачам при работе с заклятиями. Каждый мог сосредоточиться на выполнение исключительно своих магических действий. К тому же в случае ошибки одного заклинателя, остальные не должны были пострадать.

— Всем известно, зачем мы здесь? — спросил Карун-Ра. — На всякий случай, напомню. Сейчас мы создадим завесу, что существенно снизит возможные магические проявления, связанные с рунической и начертательной магией. Причину называть, я думаю, не стоит. Итак все знают о пророчестве. Мы рассматривали предложение по ограничению абсолютно всех магических проявлений, но, во-первых, это подорвало бы не только силы возможных, прошу простить меня за это слово, ставленников оракула, но и наши с вами, а во-вторых, нам пришлось бы держать ответ перед другими магическими сообществами. Конечно, проблемы возникнут и после применения нынешнего заклятия, но, насколько мне известно, начертателей в Сартосе считанные единицы, и с их недовольством мы разберемся.

Бирес слушал вполуха. Эту речь они на пару с Карун-Ра составили сегодня утром у него в кабинете.

— Прошу всех разойтись по отведенным вам позициям, — сказал Слепец. — Мы начинаем.

Биресу, как и прочим собравшимся, за исключением главы Хозяев, роль была отведена элементарная. Надо было просто призывать на себя силу и изливать её на Карун-Ра. Правда, не непрерывным потоком, а делая небольшие, в пару вздохов, паузы. Чтобы лучше сосредоточиться, Бирес закрыл глаза. Типичный прием у магов Черного Круга.

Сколько времени ушло на построение завесы, Бирес не понял. Вначале он еще пытался отследить происходящие вокруг явления, но вскоре ему это прискутило, и он с головой погрузился в ласкающие волны океана магических энергий. Пробуждение было неприятным. Краски реального мира показались Биресу чересчур яркими, режущими глаза. Маг зажмурился и помотал головой в надежде восстановить четкость зрения. Помогло, хотя не сильно. Карун-Ра он видел, а вот выражения его лица был разобрать не в состоянии.

«Ладно, — подумал Бирес, — раз всех в пасть к Нергалу отправить не грозится, значит, всё прошло нормально. Теперь от остального мира Сартос отделяет плотная магическая завеса».

— Неплохо, весьма неплохо, — голос доносился от двери, ведущей в заклинательную залу.

Бирес резко обернулся. Рядом с входом в комнату, облокотившись на копье, стоял стражник с лиловой повязкой на рукаве. Бирес протер глаза, решив, что это обман зрения. На двери залы лежали самые сильные в особняке защитные заклятья, обойти которые не смог бы сам Тот-Амон. А тут простой стражник.

— Кто вы такой? — вежливо поинтересовался у гостя Карун-Ра.

— Ваш новый господин, — сказал стражник.

Бирес наконец смог его разглядеть. Это был Ксарти, молодой кареглазый паренек, всего три месяца назад поступивший на службу к Хозяевам. Если бы не тот тон, с которым обращался Карун-Ра к стражнику, Бирес точно бы оставил от него кучку пепла.

— Спорное утверждение, — сказал Слепец.

— Отнюдь, — сказал Ксарти. — Я могу сделать с вами всё, что захочу.

Страж щелкнул пальцами, и пять магов третьего круга один за одним упали на пол. Бирес почему-то ничуть не сомневался, что встать им уже не суждено, разве что кто-нибудь решит в некромантии попрактиковаться.

— Если вы думаете, что я убил их просто так, то вы ошибаетесь. Эти пятеро желали моей смерти, хотя я им ничего дурного не сделал.

Внезапно Ксарти резко развернулся направо, и двое магов, на которых пал его взгляд, превратились в живые факелы.

— Не рекомендую пытаться бить мне в спину, — обратился Ксарти к собравшимся. — Я это почувствую и нанесу удар первым.

Бирес про себя усмехнулся. Он не верил, что Ксарти способен читать мысли. Это искусство было утеряно в стародавние времена, а многие видные маги так и вовсе считали, что просто в самой природе человека произошли изменения, что навсегда закрыли ментальным магам доступ в чужое сознание. Просто Ксарти неплохо разбирался в людях. Маги существа импульсивные, и вполне можно было допустить, что кто-то и в самом деле возжелал прихлопнуть незваного гостя. А теперь после семи трупов пыл у смельчаков поубавится.

— Дураки получили по заслугам, — одобрил действия гостя Слепец.

— Я вижу, вы мне верите, — сказал Ксарти. — Вы умный человек, если конечно эту характеристику вообще можно применить к людям. К примеру, ваши собратья по ремеслу доказывают, что делать этого не стоит. Придется с ними немного поработать.

Внезапно Бирес почувствовал слабость, из-под ног исчезла опора, мысли стали путаться.

— Я не понимаю, что сейчас со мной происходит, — словно со стороны услышал он свой голос. Одновременно с ним заговорили все собравшиеся в зале маги. — Моих знаний и способностей недостаточно, чтобы оценить сложившуюся ситуацию. С каждым вздохом

уверенность в моих силах покидает меня, а страх заполняет мою душу. Я не верю странному гостю и хочу убить его.

— Хватит! — приказал Ксарти.

Оцепенение спало. Бирес понял, что несколько мгновений назад, неизвестный маг взял да и вывернул его сознание наизнанку. Он извлек из головы Биреса его мысли и заставил произнести их вслух.

— Ваши способности вызывают уважение, — сказал Карун-Ра.

— Ваши тоже, — ответил комплиментом на комплимент Ксарти. — Вы упорно гоните из головы все нежелательные мысли, заполняете сознание незначительными образами. Достойное похвалы усердие. Вот только всё это без толку. Я знаю, что вы жаждите моей крови больше всех в этой зале. Следовало бы вас прикончить, но вы ведь всё равно ничего не сможете мне сделать, а губить такой талант было бы слишком расточительно.

— Позвольте мне повторить свой вопрос, — совершенно спокойно сказал Карун-Ра. — Нам всем было бы проще, если бы вы объяснили, кто вы такой. Господин — не господин, это дело третье.

— Вам нужно моё имя? — сказал стражник. — Этого паренька звали Ксарти. Можете и меня называть так же.

— Вообще-то я имел в виду сущность, — уточнил Карун-Ра. — Вы ведь не человек?

— Я дух, — сказал Ксарти. — А вы все мои пленники. Я мог бы спокойно дергать за ниточки, и вы, как послушные марионетки, исполняли бы мои приказания. Но я предпочитаю иметь слуг со свободной волей. Они куда полезнее.

Ксарти прервался на секунду, покачал головой, и через мгновение еще десять магов упали замертво.

— Как мне это надоело! Хотя, может, это было и к месту. Хорошая иллюстрация к моим следующим словам. Помните, я могу убить любого из вас в любой момент времени тем способом, который сочту наиболее подходящим. И я сделаю это, как только почувствую, что вы всерьез решили меня предать. Можете меня ненавидеть, желать мне смерти и прочее, до тех пор, пока вы на моей стороне, я вас не трону.

— Раз речь зашла о сторонах, — сказал Карун-Ра, — видимо, имеется некто, с кем вы планируете бороться?

— Да. В Сартосе вскорости должны объявиться трое моих братьев. Естественно, у нас не было единокровной матери, но ведь вам, людям, нужные понятные вам термины.

— Так легче общаться, — улыбнулся Слепец.

— Тогда, пусть будут братья, — согласился Ксарти. — Я не могу дать вам их описание. Они, как и я, духи, а потому способны легко перемещаться из одного тела в другое. Но узнать их всё-таки возможно. У каждого есть одна отличительная черта.

— Ксарти, а вы сами способны их узнать? — перебил гостя Карун-Ра.

— Да, но для этого мне надо подойти к ним достаточно близко. А это опасно. Потому я здесь. Вы найдете их для меня, а затем уничтожите.

— Неприятная перспектива, — сказал Слепец, — но вы не оставляете нам выбора. Расскажите о каждом из них.

— Первый — самый опасный. Он хитер, словно лис, и изворотлив, как змея. Я не знаю, чего от него можно ожидать. К счастью, у него есть слабое место. Он нетерпелив, аластолюбие его не знает границ. Можете мне поверить, самое малое, что его устроит в вашем мире, это роль бога.

— Судя по всему, от него стоит ожидать самых активных действий?

— Да! Вот только, куда он ударит и каким оружием, не будет ясно до последнего момента.

— Что скажете о следующем? — поинтересовался Карун-Ра.

— Его слабость — любовь к плотским утехам. Он постараётся перепробовать все способы, что изобрел человек для удовлетворения похоти, а когда переберет их все, примется изобретать новые. С ним справиться будет легче всего. Он плохой стратег и никудышный воин, все его мысли направлены лишь на получение удовольствия. Но предупрежу заранее, этому моему брату частенько сопутствует удача. Столько раз он умудрялся уйти сухим из воды!

— Наша первая жертва?

— Я не ставлю вам очередности, но думаю, что именно этого любителя горяченького, вы обнаружите первым.

— Остался еще один.

— Последний мой брат. Он безумец. Поступки его не логичны совершенно. Никогда не знаешь, что он выкинет в следующий момент. И самое обидное, что он сильнее нас троих вместе взятых. Даже одно пребывание его среди люди заражает их безумием, они начинают творить совершенно непостижимые вещи, будучи уверенными в здравости своих действий.

— Мне кажется, этот ваш брат уже в Сартосе, — сказал Карун-Ра. — Появились первые признаки того массового безумия, о котором вы говорили.

— Надеюсь, что хотя бы остальных пока нет в городе.

— Вы уверены, что они появятся? Сартос не столица мира.

— Они придут, — сказал Ксарти. — Я в этом не сомневаюсь. Ваш мир слишком тесен для нас четверых и прежде, чем отправляться покорять его, следует довершить начатую партию. Доской на этот раз будет Сартос.

Карун-Ра обвел взглядом всех оставшихся в живых магов. Бирес прочитал в его глазах молчаливый приказ подчиняться странному духу, забредшему на огонек. Слепец выглядел уставшим и надломленным. Таким его Бирес еще ни разу не видел.

— Наш разговор окончен, — сказал Ксарти, — можете идти. Только помните о своей новой цели и о моем предупреждении. И еще одно! Никому не говорите ни слова о том, что здесь сегодня произошло. В городе должны думать, что у Хозяев всё, как обычно. Я не собираюсь оповещать братьев о своем визите.

Бирес развернулся и пошел к выходу. Ему предстояло пройти всего в нескольких шагах от Ксарти. На губах духа играла победная улыбка. Бирес на миг заглянул в карие глаза стражника, но, вопреки ожиданиям, не увидел в них ничего необычного.

Маг так и не понял, что заставило его обернуться. Наверное, желание еще раз убедиться в том, что всё произошедшее реальность, а не фантом, созданный магией Слепца.

Четверо Хозяев второго круга приближения так и не сдвинулись со своих мест. Стояли, замерев, словно статуи, и смотрели то на Биреса, то на Ксарти.

— Что с ними? — спросил Бирес у духа, дивясь собственной храбости.

— Они нужны мне для экспериментов, — сказал Ксарти. — Я, подобно вам, увлекаюсь магией. Это, если так можно выразиться, моя отличительная черта. Если бы вы были с ними дружны, Бирес, я бы дал вам возможность попрощаться, но вам ведь до них нет никакого дела, так что прошу меня не задерживать. И еще. Если из библиотеки начнут исчезать книги, не беспокойтесь, это я их сюда перемещаю.

Как только Ксарти закончил фразу, дверь в заклинательную залу затворилась, при этом чуть не дав Биресу по носу.

К себе в комнату маг пришел уже полностью опустошенный. Он упорно гнал из головы мысли о Ксарти, его братьях и собственной горькой судьбе. Сомнений в том, что после того, как Хозяева прикончат всех трех духов, четвертый разберется с ними, у Биреса не было. Замкнутый круг, который никак не разорвать. Спасти можно было, лишь расправившись с Ксарти. Но

стоит созреть в голове какому-нибудь достаточно реалистичному плану, как дух тут же почувствует это и расправится с вольнодумцем.

Бирес решил, что ему нужно немного отвлечься. Ксарти ничего не говорил о том, чтобы немедля приступать к поиску его братьев. Скорее наоборот, предостерегал от необычного поведения. А если все Хозяева, словно ищейки, начнут рыскать по Сартосу, это точно привлечет нежелательное внимание.

Маг подошел к зеркалу и начал изменять черты своего лица. Уменьшил нос, сменил цвет глаз, сделал так, чтобы на щеках выросла коротенькая щетина. Слабенькая личина, способная обмануть лишь далеких от магии людей, но нельзя было забывать о запрете на магию в пределах Сартоса. Каждый раз, отправляясь на базар, Бирес хоть немного, но изменял свой облик. Ему не хотелось, чтобы по городу ходили слухи, что один из Хозяев пару-тройку раз в седмицу покупает маленьких девочек, которые потом пропадают без следа.

Бирес мысленно уже предвкушал грядущее развлечение. На сегодня он решил взять северянку, юную пташку из Нордхейма или Бритунии. Когда ему прискучат её ласки, он обратит её в маленькую сойку.

Глава 4.

«Об изменчивости мира»

В «Морском Змее» было многолюдно. Пираты праздновали уход бури. Они достали из тайников свои последние монеты и отправились на постоянный двор, чтобы хорошенько напиться в честь воцарения нормальной погоды. Это радостное настроение передалось и девицам, что обслуживали моряков. А, может, дело было в том, что с прекращением бури утратит силу и повеление Хозяев «о бесплатном удовлетворении потребностей мореплавателей, бедствие претерпевших».

Коратцо веселился наравне со всеми. И делал он это совершенно искренне. По дороге в Сартос он долго размышлял над тем, чем следует заняться в первую очередь. Из воспоминаний зингарского капитана он извлек наиболее важные знания о жизни современной Хайбории. Мертвый пират оказался человеком на редкость непросвещенным, но даже из его скромного опыта духу стало понятно, что со временем последнего воплощения в мире изменилось практически всё.

Можно, конечно, было совершить пару перемещений, посмотреть на мир глазами других людей, но Коратцо сомневался, что от этого будет существенная польза. Он наберется знаний новых знаний, но почувствовать ритм жизни так и не сумеет. Куда проще было пообщаться с людьми в обстановке свободы и веселья.

Духа немного смущало то, что в «Морском Змее» Коратцо уже бывал, а это означало, что его могли узнать. Но этим опасениям он не придал большого значения. Все знания зингарца ныне были в полном распоряжении духа. Старые знакомые пирата никогда бы не догадались о том, что у его тела появился новый распорядитель.

— Красавчик, не желаешь покуypyркаться? — спросила Коратцо симпатичная девушка с россыпью золотых кудряшек.

Один из его братьев с радостью откликнулся бы на это предложение, Коратцо же сразу попытался оценить его со стратегической точки зрения. С одной стороны, он мог остаться за игральным столом, продолжить метать кости и пить вино. Рано или поздно его тело бы не выдержало, и хмель начал бы проникать в голову, а он точно помнил по предыдущему разу, что без погружения в состояние опьянения, сути человека не понять. С другой стороны, постельные утехи были одним из самых распространенных среди людей занятий. Вот только вряд ли в этом деле хоть что-то изменилось за все прошедшие годы.

Девица, чувствуя душевные метания пирата, решила оказать на него прямое физическое воздействие. То бишь, взяла и поцеловала, прижавшись к нему всем телом. Коратцо понял, что теперь у него выбора не осталось. Оттолкни он от себя девушку, и товарищи по игре в кости обрели бы все основания усомниться в его постельных предпочтениях. Это раньше можно было спокойно развлекаться и с людьми любого пола любого возраста, и с животными. Сейчас подобные утехи общество отвергало. Зингарский пират за свою недолгую жизнь успел хорошо погулять, и у духа не было никаких оснований не доверять ему в этом вопросе.

Коратцо прервал поцелуй, взял девушку на руки и понес на второй этаж. На лестнице клубились облака магического тумана, создавая ощущение восхождения на небеса. Дух отметил для себя, что людям должно быть нравятся такие дешевые эффекты. Жизни их слишком коротки, и у них просто нет времени проникать в суть вещей, а оболочка всегда доступна взгляду.

Коратцо заглянул в мысли девушки, что сейчас покрывала поцелуями его шею.

«Интересно, сколько монет получится страсти с этого хорька? Проклятые стигийцы лишили нормального заработка! Сет знает на что теперь приходится соглашаться, чтобы на утро хоть пару медяков оставили».

Ничего заслуживающего внимания в этой симпатичной головке не было. Зато у девушки были потрясающие волосы, прекрасные голубые глазки, полные губки. Фигурка тоже ничего. И эта красивая внешняя оболочка заслоняла собой внутреннюю пустоту. Похоже, в этом отношении со временем прошлого воплощения ничего не изменилось.

— Нам туда, — прошептала девушка, покусывая ухо зингарца. — Вторая дверь налево.

И тут перед Коратцо замаячила одна проблема, о которой он вначале не подумал. Еще на подходе к Сартосу, он решил пойти на риск и придать телу некое подобие жизни. Он привел в порядок сердце, желудок и легкие. Без этого было не обойтись. В прежнем состоянии он даже кружку вина выпить бы не смог нормально. Вопреки его опасениям, отец не появился или просто не стал надоедать разговорами. Но теперь, чтобы предаться утехам на любовном ложе, ему вновь придется прибегать к магии.

Девица тем временем, словно желая напомнить духу о его непредусмотрительности, начала ласкать его чуть ниже пояса. Коратцо выругался про себя и бросил заклятье. Всё пришло в нормальное, а вернее сказать, соответствующее ситуации состояние.

— Ты что-то сказал милый? — нежно спросила девушка.

«Ненормальный. Точно ненормальный. И зачем я только сюда работать-то пошла? Знала бы мама, что тут творится. Эти моряки в странах полуденных такого нахватаются, а потом здесь давай практиковать. Ни стыда, ни совести!»

— Спросил, как тебя зовут?

«На каком это, интересно, языке меня так звать могут? Глухая я что ли?!»

— Марта.

— Ты из Аквилонии? — года три назад зингарский пират встречался с премилой девушкой из Тарантии по имени Марта. Впрочем, его восхищение сей юной прелестницей не помешало ему продать её в рабство, когда чувства поутили.

— Из Немедии, но если тебе больше нравятся аквилонки, то я не прочь на время стать одной из них.

Коратцо ногой отворил дверь, на которую указала ему девушка. Рукой было бы удобнее, но среди пиратов подобная куртуазность была не в чести.

— Мне нравятся просто красивые девушки, — сказал дух.

Он положил Марту на кровать, улыбнулся краешком губ и начал освобождать её от платья. Склонившись над ней, он шептал ей нежные слова и одаривал поцелуями. Девушка просто лежала и наслаждалась, вопреки обыкновению не спеша брать инициативу в свои руки.

«Он — милый».

Коратцо знал, как нужно себя вести в подобной обстановке. Частично он использовал свои старые воспоминания, частично обращался к опыту зингарца. В первую очередь, духу интересовало, как быстро у него получится завоевать симпатии отдельно взятого человеческого существа. Начинать ведь, как известно, лучше с малого. А, во-вторых, после того, как они с Мартой насладятся друг другом, Коратцо планировал порасспросить её о мире и людях, его населяющих. Поэтому, и надо действовать так, чтобы девушка укоренилась в мысли, что «он — милый». Это заметно облегчит разговор.

Когда минуло два колокола, они лежали на смятых простынях и потягивали красное вино, бутыль которого девица извлекла откуда-то из-под кровати. Коратцо почти физически ощущал, как в нем нарастает чувство раздражения. Он впустую потратил целую гору времени. Ничего нового о тайнствах любви ему так и не удалось узнать. Всё, как было, так и осталось. Что взять с

существ, у которых тело постоянно берет верх в борьбе с мозгом?

«Как же замечательно! Вот бы этот морячок остался еще на пару деньков. Давно так хорошо не было».

В мыслях девицы уже значительное время не происходило никаких изменений. Коратцо признался самому себе, что он, видимо, малость перестарался. Вести сейчас разговоры с Мартой смысла не имел. Всё равно ничего вразумительного сказать не сможет. Надо было что-то делать. Он уже приготовился кинуть заклятье, как в голове раздался знакомый до боли голос.

— Здравствуй, сынок. Смотрю я на тебя и удивляюсь. Вроде бы раньше за тобой таких склонностей не водилось.

— Я стремлюсь познать всё, — заняться было не чем, так почему бы немного не пообщаться с отцом.

— Не думаю, что в этой области тебе приоткроется что-то новое.

— Я уже понял. Люди ограничены строением своих тел.

— Ошибаешься, — рассмеялся отец. Коратцо уже не удивился проявлению эмоций. — Это ты ограничен. Твой брат каждый раз умудряется отыскивать новые аспекты наслаждения.

— Что ты имеешь в виду?

— У тебя самые низкие из всех четырех способности к восприятию чувств. Именно поэтому ты и шатаешься по бордельям, напиваешься, играешь в кости, снимаешь девиц на ночь. Ты не знаешь, что такое азарт игры, каково сжимать в объятьях нежное девичье тело. Тебе не дано насладиться даже чувством опьянения.

— Мне это и не нужно, — мысленно ответил отцу Коратцо. — Я лишь желаю понять, как люди к этим вещам.

— И как? Получается? — ехидно спросил голос отца.

— Плохо, — признался дух Камня.

— Тогда позволь тебе немного помочь. Ты никак не мог решиться привести девушку в чувства, боялся, что появлюсь я и помешаю вашему разговору. Мне больно смотреть на твои мучения. Прими моё заклятье, как знак доброй воли.

Коратцо ощутил какое-то движение в магических сферах. Отправную точку, правда, различить не удалось. Но это уже был шаг вперед. Пожалуй, и дальше стоит тешить самолюбие отца. Еще пара таких вмешательств и можно будет понять, как он творит волшбу.

— А я так и не спросила, как тебя зовут? — сказала Марта.

— Коратцо, — ответил дух.

Он быстренько проверил мысли девушки и остался доволен. Отцовское заклятие вернуло ей способность к нормальному общению.

— И чем ты занимаешься? Ты похож на капитана корабля.

— Я и вправду похож на него, — признался дух. — Когда-то это тело принадлежало одному зингарскому пирату. Но сейчас он мертв, а я живу в его оболочке.

— Кто же ты тогда на самом деле? Бог?

Девушка не поверила ему ни на йоту. Решила, что это всего лишь игра. Может так даже и лучше.

— Нет, но я хочу им стать. Я дух. Долгие годы мы с моими братьями и отцом жили в предмете, который принято среди людей называть артефактом.

Марта звонко рассмеялась. Коратцо прочитал в воспоминаниях мертвеца, что мужчинам такой смех очень нравится.

— Это правда, — подмигнул он ей. Если она и дальше будет думать, что это щутка, то у него появится возможность пообщаться с девушкой на равных. — Давным-давно мы все пятеро уже жили среди людей.

— И вам так не понравилось, что вы решили вернуться в свой артефакт?

— Нас к этому вынудили, — ответил Коратцо. — Неприятная история. Мне не хочется о ней говорить.

— А о чём хочется? — спросила Марта, пододвигаясь к нему.

— О мире, какой он есть сейчас. Отец говорит, что у меня есть проблемы с восприятием окружающих меня вещей. И временами я склонен признавать его правоту.

— Дух, — возбужденно спросила девушка, — а ты очень силен?

— Сложный вопрос. Смотри с кем сравнивать. Тебя, наверное, интересуют люди? Так, я намного могущественнее любого человеческого мага.

— Это здорово! Можешь мне что-нибудь наколдовать?

— Могу, но не буду. Тогда ты не захочешь со мной дальше разговаривать, а начнешь клянчить безделушки.

— Твой отец прав, — надула губки Марта. — Девушек ты точно не понимаешь. Нельзя такие вещи говорить.

Коратцо нахмурился. Он вовсе не ставил целью обидеть Марту. Опыт зингарца подсказывал ему, что он избрал правильную линию поведения. Где он допустил ошибку, было непонятно.

— Не злись, — попросил дух девушку. — Хочешь, я расскажу тебе, почему нас загнали в Камень.

— Камень? — переспросила Марта.

— Да, тот артефакт, в котором мы жили. Один из моих братьев как-то обмолвился, что название это слишком романтичное. Он предложил именовать наш дом Изумрудным Глазом Дракона или, на худой конец, Черной Смертью Одинокой Мышки-Полевки.

Марта рассмеялась.

— Я всегда завидовал его чувству юмора, — спокойно сказал Коратцо. — Я могу рассказать какую-нибудь старую шутку, но придумывать новую остроту, увы, не в состоянии. С оценкой чужого остроумия, как видишь, у меня тоже есть проблемы. До этого момента я думал, что он тогда говорил серьезно.

— Не уходи от темы, — сказала Марта, состроила строгую гримасу и погрозила Коратцо пальчиком.

— В прошлое воплощение, — начал свой рассказ дух Камня, — мы жили куда дружнее, чем сейчас. Нас сплачивала наша ненависть к одному человеку, нашему отцу. Мне не передать словами, как больно быть вырванным из привычного мира, в котором ты был счастлив и законы которого понимал. Отец извлек наши сущности из Камня и использовал их в качестве оружия против своих врагов. Он был очень умен и талантлив, но ему не хватало опыта. Это его и сгубило. Как только отец обрел над нами власть, он решил проверить её пределы, предоставив нам видимость полной свободы. Но мы были слишком напуганы произошедшими переменами и совсем не знали окружающего мира, а потому даже и не пытались вырваться из-под связывавшего нас заклятья. Отец тогда не понял этого. Шли годы. Одно за одним человеческие государства признавали над собой власть юного мага, а мы четверо постепенно обретали себя в этом мире.

— Ты так здорово рассказываешь, — умиленно произнесла Марта. — Считай, что я тебя простила. Но историю я всё равно хочу дослушать до конца.

— И вот однажды мы решили, что сумеем прожить и без своего отца. Для того, чтобы разорвать сдерживавшие нас узы, даже больших усилий не потребовалось. Но мы всё-таки немного побаивались человека, которого столь долгое время величали повелителем. Мне сложно говорить за других, но лично я был ему благодарен за то, что он сделал. Мир человеческий не в пример богаче мира Камня. Новое существование было хоть и сложнее, зато намного

интересней. Теперь, спустя много лет, я понимаю, какую мы допустили ошибку, сохранив жизнь нашему отцу. Он просто не смог поверить, в то, что мы можем его простить. Он ждал, что мы вернемся и расправимся с ним. Возможно, кто из нас и был не прочь так поступить. Мне тяжело понять ход мыслей моих братьев. Уже тогда я решил для себя, что хочу быть богом. Это сложная задача, но выполнимая. Я начал возводить храмы в свою честь и заставлял людей возносить мне молитвы. Понемногу я преображался, но эффект был не тот, на который я рассчитывал. Такими темпами я стал бы богом лет через четыреста-пятьсот. Мне этого времени не дали. Отец поборол свои страхи и начал действовать. Он устроил на нас настоящую охоту. Не забывай, он был властелином почти половины всех населенных земель. Его конфиденты были повсюду, искали нас четверых. Отец раздал им оружие, способное разрушить нашу связь с этим миром и загнать нас обратно в Камень.

— И так он вас пленил, одного за другим?

— Нет. Жертвами его слуг стали лишь двое моих братьев. И тогда мы решили убить нашего отца. Оставшийся в живых брат за время своего свободного существования очень сильно продвинулся вперед в искусстве магии. Он основал школу, где проводил дни и ночи, ставя свои бесчисленные эксперименты. Сколько усилий стоило мне оторвать его от них?! Даже узнав о гибели братьев, он не поверил в серьезность опасности, повисшей над нами. Лишь напомнив ему о тех книгах по магии, что хранились в библиотеке отца, я убедил его присоединиться к моему походу. Именно походу! Тысячи моих прихожан встали под знамена армии, что я повел к цитадели отца. Мы выдержали много битв. Хотя без помощи магов, что привел мой брат, победить было бы сложнее. И вот мы окружили башню, где скрывался отец. Не сговариваясь, мы с братом покинули войско и направились к месту нашего рождения в этом мире. Отец нас ждал. Он улыбался. Брат хотел уничтожить отца, но я попридержал его. Мне хотелось узнать причину его веселья. Тогда я уже начал понимать, что в эмоциях людей может крыться очень много. Я спросил у отца, что смешного он видит в том, что умрет через мгновение. Он ответил, что ему и вправду надо бы плакать при виде той глупости, что сотворили те, кто именует себя его сыновьями. Он указал нам на воинов, что пришли со мной, и на магов, что пришли с моим братом. Я и узрел то, чего не видел раньше. Все эти люди ненавидели всех нас, желали справиться с нами. И я понял, что им достанет сил уничтожить и нас, и отца. Тогда отец и предложил нам уйти обратно в Камень, сказав, что отправится вместе с нами. Мы согласились. Отец начал творить волшбу и так увлекся, что не заметил, как мой брат немного подправил его заклинание. Не знаю, желал ли он убить отца и у него не вышло, или задумывал что-то другое, так или иначе отец остался в живых, но в некотором роде потерял свою телесность. Даже в Камне он был чем-то, вроде сгустка мыслей. Наше же путешествие в мир людей и обратно тоже сыграло с нами злую шутку. Мы уже не могли жить, как раньше. У нас появились мысли и стремления. У каждого, разумеется, свои. А мир Камня очень узок, потому все время мы тратили на борьбу друг с другом и призраком нашего отца. Я полагал, что после воплощения моя ненависть к братьям поутихнет, но я ошибался. Как и прежде, я жажду их крови.

«Браво, сын! Ты не разучился произносить речи».

«Убирайся прочь!»

Марта заворожено смотрела на воплощенного духа. Коретцо подумал, что она таких историй с детства не слышала. Заглянул в мысли и убедился в своей правоте.

— И чем ты сейчас собираешься заняться? — спросила девушка. Она была согласна играть дальше. Не хотела обрывать сказку на самом интересном месте.

— Для начала найду братьев и убью их. На этот раз окончательно. Камня ведь больше не существует.

— Что с ним стало?

— Не знаю. Мы вырвались на свободу, а Камень утратил свои свойства и сгинул в пучине морской. Если будет возможность, поинтересуюсь, что же там произошло, у своего братца-мага прежде, чем его убить.

— Потом снова начнешь возводить храмы?

— Нет. Точнее, не сразу. За время, проведенное в Камне, я осознал, в чем была моя ошибка. Те люди, что шли за мной, делали это из страха. У них был выбор – подчиниться или умереть. И как только появился шанс выскоцкнуть из этой ловушки, они им воспользовались.

— Значит, надо сделать так, чтобы у них не было такого шанса?

— Надо сделать так, чтобы у них не было желания уходить из-под моего покровительства. Я не столь давно пришел в этот мир, но кое-что уже успел узнать о нем. Нынешние боги, в отличие от тех, что жили раньше, с большим вниманием относятся к жизням людей. К тому же они борются за власть, за верховенство. Вряд ли они пожелают принять новичка в свою дружную компанию. Если я полезу напролом, то ничего этим не добьюсь.

— И что ты будешь делать?

— Ты знаешь, откуда боги черпают свою силу? – спросил Коратцо.

Девушка отрицательно замотала головой.

— Из веры. Чем больше у них прихожан, тем они сильнее. Я должен сделать так, чтобы люди сами провозгласили меня своим богом.

— Ты воспользуешься своей силой и дашь людям то, что они просят? Будешь добрым богом, как Митра?

— Нет, я не буду добрым богом. Я вообще не верю ни в добро, ни в зло.

— Я тебя не понимаю, — пожала плечами Марта. — То ты говоришь, что тебе нужна преданность, то о том, что добрым быть не желаешь.

— Именно непонимание меня больше всего и пугает, — признался Коратцо. — Объясни мне, что хотят люди? Я дам им это, а там уже, если они изволят, пускай считают меня добрым.

Марта задумалась. Коратцо весь насторожился, наконец, ему удалось направить разговор в нужное русло.

— Любви, — сказала девушка, проводя пальцем по груди Коратцо.

Дух Камня обратился к воспоминаниям пирата и нашел там подтверждение своим мыслям. Ответ был искренним, но в применении к планам Коратцо, совершенно бесполковым.

— Любовь я даровать не в силах, — соврал Коратцо. Он легко мог влиять на чувства людей, но понимал, что со своим опытом в этой области, наломает дров и ничего не добьется.

— Жаль, — вздохнула Марта.

— Мне тоже, — сказал дух. — Но не вешаться же из-за этого. Должны быть еще какие-то вещи.

— Тогда остаются только деньги, — сказала девушка. По лицу было видно, что вспоминала она в этот момент что-то, что толкнуло ее пойти работать в «Змея».

— Это уже интересно. Расскажи поподробнее.

Коратцо понемногу сопоставлял между собой картины двух миров. Того, в котором жил раньше, и этого, в котором очутился сейчас. Разница в отношении людей к деньгам довольно сильно разнилась. В давние времена власть золота была не столь сильна. Правители опирались прежде всего на мечи и магию. Ныне же миром правила звонкая монета.

— Что тут скажешь? Дай людям денег, и они пойдут за тобой.

— Если я возьму и сотворю пуд золота, тем самым я уменьшу его цену. Я никого тем самым не облагодетельствую.

— Глупости ты говоришь! Сотни людей богачами станут. Они как один головы за тебя сложат.

— Но тысячи разорятся и будут меня проклинать. Мне же нужно что-то, способное увлечь за собой народы, а не несколько отдельно взятых человеческих существ.

Внезапно дух прервал свою фразу, его посетила одна интересная мысль. Он вертел её то так, то так, пытался найти изъяны и, к своей великой радости, никак не мог из обнаружить.

— Тогда я тебе ни чем помочь не могу, — сказала Марта.

— Ты мне уже помогла, — сказал дух Камня, — и потому я оставлю тебя в живых.

Он произнес заклятье, и девушка мгновенно погрузилась в сладкую дрему. На утро она проснется и вспомнит лишь то, как они замечательно кувыркались целых три колокола. Никаких братьев, никаких богов.

Коратцо встал с постели и принялся собирать разбросанную по комнате одежду. Нашлось всё быстро, за исключением рубахи. Можно было, конечно, обойтись и без неё, но Коратцо из принципа решил её отыскать. Он внимательно осмотрел всю комнатку, на всякий случай посмотрел в шкафу, хотя помнил, что ничего в него не вешал, два раза заглянул под кровать. Всё безрезультатно.

«Не это ищешь?» — услужливо поинтересовался отец.

Прямо из воздуха перед Коратцо возникла его шитая золотом капитанская рубаха. Резким движением, словно стремился вырвать сей предмет одежды из невидимых отцовских рук, дух Камня схватил её.

— Я еще разберусь, как ты эти штучки вытворяешь! — сказал он вслух.

Отец не ответил.

Коратцо вышел из комнаты и быстрым шагом направился к лестнице. Еще пару колоколов он планировал провести за игровым столом, а с рассветом отправиться в Сартос, претворять в жизнь свой новорожденный план.

На лестнице он столкнулся с пьяным моряком. Тот сначала промычал невнятные извинения, но потом, схватив Коратцо за манжеты рубашки, уставился тому прямо в глаза.

— Я тебя знаю! — прокричал моряк. — Ты — Коратцо! Но ведь ты мертв, дружище. Ваш корабль был в самом сердце этого проклятого богами шторма!

— Нет, дружище, это ты мертв, — сказал дух Камня и произнес заклинание перемещения.

Коратцо закинул несчастного в открытое море. Если ему повезет и он решит плыть в сторону закатного полдня, то на пути ему встретится корабль. Но и в этом случае жить ему от силы три-четыре седмицы. Один из матросов подхватил в последнем порту смертельное легочное заболевание. Команда, правда, пока не знает о том, что оно смертельное и о том, что оно заразное.

Глава 5.

«О жизни и смерти»

В пяти днях езды от Сартоса находилось старенькое поместье. Стены его обветшали и заросли плющом. На башнях вили себе гнезда почтенные птицы семейства, к которым время от времени в гости наведывались не менее почтенные семейства змей. Люди же давным-давно забыли дорогу в эти места. Те же путники, что забредали сюда, обычно назад не возвращались.

Но нельзя сказать, что место здесь было злое. Зверя вокруг водилось в изобилии, а зверье оно, как известно, зло сразу чует. Вот только есть в этом правиле одно маленькое исключение. Зло, о котором идет речь, обязательно должно быть природным. Демон там какой-нибудь или волколак, в последнее полнолуние головой повредившийся. До старого мага, практикующего человеческие жертвоприношения, животному миру не было бы никакого дела.

Вообще-то Старый Харольд или Харви, как он сам себя величал, никаких жертвоприношений никому не приносил. Он увлекался некроманией. И не просто увлекался, она была всей его жизнью.

Много лет тому назад Харольд, тогда еще совсем не Старый, состоял в ученичестве у одного известного аквилонского мага, причислявшего себя к когорте светлых. Откуда пошло такое именование, Харви откровенно недоумевал. Сей аквилонский маг отличался на редкость скверным характером и жадностью превеликой. Без предоплаты людей лечить не соглашался, крестьян своих дополнительным налогом обкладывал, над учениками измывался, не забывая при этом ежемесячно получать деньги от их родителей.

За первые три года «обучения» Харви о магии не узнал ничего нового, зато научился замечательно готовить, протирать пыль и мыть полы. Жизнь такая Харольда не устраивала совершенно, и он решил внести в неё ряд значительных перемен. В гости к аквилонскую магу часто заглядывали на огонек его товарищи, волшебники из других краев как ближних, так и далеких. И вот однажды, улучив момент, Харви незаметно пробрался в карету одного из гостей и спрятался в ящике, куда хозяин кареты складывал свои магические принадлежности. Разумеется, забрался он на самое дно ящика, чтобы заметно его не было. Но, как выяснялось, предосторожности эти были напрасными, маг, судя по раскатистому хрому, проспал всю дорогу до дома. Все три колокола.

Харольд по первости расстроился, решив, что раз волшебник живет так близко от дома его мастера, то по обнаружении спрятавшегося мальчугана непременно отправит его назад. Но на решимости его это умозаключение никак не отразилось. Он выбрался из своего укрытия, направился к немного оторопевшему от того, что из его кареты странные мальчишки вылезают, магу и заявил, что желает быть его учеником.

Волшебник расхохотался, подивившись такой наглости, но на предложение согласился. Так Харви и оказался в ученичестве у Бушира, мага-анимиста. Вопреки сомнениям юного Харольда отъехать от его старой обители они успели очень далеко. За три колокола карета успела пересечь две границы и сейчас находилась где-то в полуденной оконечности Кофа. Секрет столь быстрого перемещения по местности стоял прямо перед Харви, фыркал ему в лицо и клянчил чего-нибудь вкусненького. Кони у Бушира были не обычновенными, а волшебным, впрочем, как и всё зверье в его доме.

Для начала Бушир обучил Харви десятку заклятий, чтобы тот не чувствовал себя обманутым. Второй уже мастер, а магии не учит. Но куда больше времени тратил кофийский маг, рассказывая ученику о животных, их повадках и пристрастиях. Он говорил, что прежде, чем

начать что-то менять в той или иной твари земной необходимо понять, что она из себя представляет в нормальном своем состоянии. Харви внимательно слушал и запоминал всё, что говорил ему учитель, лелея в душе ожидание того момента, когда он, наконец, сможет заняться полноценными магическими изысканиями.

И вот настал сей светлый миг, когда Бушир признал, что не может больше Харви считать своим учеником и с большой радостью готов назвать его своим первым помощником. Это были самые счастливые годы в жизни Харольда. Он создал своего первого летающего коня, работал над сухопутным видом иноземной крокодилы, грезил о комарах, умирающих от одной мысли о человеческой крови, и даже был близок к успеху.

Идиллия эта была прервана двумя заезжими магами. Чем им не удружила его мастер, Харви так и не узнал, хотя прежде, чем убить Бушира гости с ним что-то долго и горячо обсуждали. Дело в том, что Бушир, желая спасти своего бывшего ученика, а ныне полноправного помощника, от неминуемой расправы обратил того в тушканчика. Здесь, видимо, сказалось волнение, потому как заклятье вышло несколько ущербным. В новом своем состоянии ученик перестал понимать человеческую речь, лишился всех магических способностей и вдобавок заметно поглупел. Вот и сидел бедный Харви, забившись в угол, и, дрожа от страха, смотрел, как убивают любимого учителя и всех его питомцев.

Жил тушканчиком Харви целых три года. Правда, в первые два дня чуть не скопытился от голодухи, но потом инстинкты взяли верх и подсказали верный путь к добыче пропитания. К концу своего жизненного срока Харви уже стал сомневаться, что был когда-то человеком, просто такой вот одаренный тушканчик.

Если бы та бедная птица, что заглотила несчастного мага-анимиста, знала, что с ней будет, то ни в жизнь к тушкану бы не подлетела. Бушир вложил в своё заклятье один очень интересный эффект. Превратиться назад в человека Харви мог лишь спустя сутки после гибели своего животного воплощения. Видимо, покойный маг рассчитывал, что ученик-тушканчик очень быстро протянет лапки, но тот на горе своё оказался на редкость живуч, и вернул свой человеческий облик лишь спустя три года. Так что, когда он появился в брюхе не ожидавшей такой подлости птицы, Харви был уже не тем, что раньше. На почве смерти учителя и миропонимания тушканчика у Харольда поехала крыша.

Долгие годы скитался обезумевший маг по городам и весям Хайбории. От прежнего своего бытия он унаследовал любовь к травоядным животным и ненависть к крылатым хищникам. Если случалось увидеть Харольду захворавшую скотинку, немедля подходил он к ней, ласково гладил по морде и шептал заклятье, что болезнь из тела изгоняло. Мага за его хоть и неразумную, зато полезную деятельность люди любили и привечали. Потому, видимо, он и не умер в первые годы сумасшествия своего, послужив живым примером тому, что история повторяться любит. Что тушканчик не жилец, казалось, был, что маг ополоумевший, а на прогулку по Серым Равнинам всё ж ни тот, ни другой не отпраились.

Но однажды случилось то, что навсегда перевернуло жизнь Харви. Забрел он ненароком в угодья одного колдуна шемитского происхождения. Маг этот некромантией занимался, трупы из земли поднимал и собирал в легионы бесчисленные. Готовился мир идти покорять. Кто знает, как сложилась бы его дальнейшая судьба, отпусти он в тот день из своих владений беднягу Харви. Кому бы этот безумец о его приготовлениях рассказал? Но маг решил перестраховаться. Призвал к себе пару зомбей, что посноровистей были, и велел с блаженным странником по-быстрому расправиться.

Зомби приказа послушались, как впрочем они всегда и поступали, и направились навстречу Харольду. Приблизились к нему и уже было приготовились на части разорвать. Маг, что в хрустальный шар за этим наблюдал, радовался и руки в предвкушении потирал. Но внезапно

мертвяки остановились, головами вертеть странно начали, словно принюхивались к чему-то, а потом подбежали к Харольду и к его ногам ластиться стали. Бывший маг-анимист от восторга разве что в ладоши не хлопал. Как живое к живому тянется, так и некогда мертвое к некогда мертвому потянулось. Взбунтовалась вся мертвячья армия и пошла своего хозяина бывшего убивать за то, что приказы непотребные раздает. Шемит отбивался, как мог. Немного ему не хватило, чтоб в живых остаться. Почти всё свое войско на тот свет успел маг перед смертью отправить, лишь пятеро зомбей от его заклятий убереглись.

И стал Харви у них чем-то вроде живого бога. Покорялись ему мертвяки не из страха, а по некоей душевной склонности. Он, если хорошенъко подумать, тоже за одного из зомбей сойти мог. Аж целые сутки хладным трупом тушканчика пробыл! На радостях к Харольду вернулась часть его былого разумения. Понял он, что скитания его до добра не доведут, и решил засесть в маговом поместье.

Жилось ему в первые годы неплохо. Пятеро верных зомбей исправно добывали Харольду пропитание, а сам он всё свободное время проводил в библиотеке покойного мага, изучал труды по некромантии. Знания он впитывал в себя с радостью превеликой, и вскоре неизученных томов в хранилище не осталось. И возникла перед Харольдом дилемма: удовлетвориться теперешним уровнем своих познаний и остаться дальше жить там, где живет, или же вновь отправиться в странствия. Мучился Харви долго, никак решиться не мог. Но тут к нему в гости зачастили дружки покойного ныне шемита. Кто по делу приезжал, кто так просто. Харольд честно обрисовывал им ситуацию. Многие ему не верили, и тогда Харви приходилось их убивать.

Когда гости начали наведываться организованными группами и перестали вести хоть какие-то переговоры, Харольд осознал необходимость смены места жительства. Он зомбей, конечно, любил и смерть всячески почитал, но сам отправляться во второй раз на Серые Равнины не торопился.

К тому времени Харви исполнилось уже пятьдесят пять лет.

Просто так бродить по бескрайним хайборийским просторам Харольд резона не видел. Это, когда он совсем глупым был и не понимал ничего, подобное поведение допустимым являлось. Ныне же почтенный некромант со свитой в пять зомбей был просто обязан задаться какой-нибудь большой целью. Мирового господства маг не желал, на людей за несчастия свои вину возложить и отомстить им хорошенъко тоже не спешил. Оставалось только одно. Найти способ знания свои преумножить.

В ближайшем городе Харольд разузнал, что поблизости два некроманта обитают. К ним он решил в первую очередь отправиться, по душам поговорить, тайнами мастерства обменяться. Но тут произошел конфуз. Те мертвяки, которых два некроманта означенных из земли для нужд своих подняли, тоже разглядели в Харольде своего далекого сородича. От случившегося душевного потрясения зомби хозяевам своим подчиняться перестали, а когда те их укротить попытались, быстренько с ними расправились, чтобы не мешали встречать явившегося им во плоти Харви. Сказать, что маг очень расстраивался по поводу случившегося, значит соврать. Еще во времена обучения у Бушира он запомнил, что когда работаешь с животными, важно сделать так, чтобы твой подопечный прежде всего видел в тебе друга. Вот и зомбей он полагал хоть необычными, но всё ж детьми природы. Так что некромантам, державшим бедняжек в кабале, досталось поделом.

Первым делом Харви решил разобраться с новыми мертвяками. Насчитывалось их аж сорок пять штук. Маг поделил их на группы по девять зомбей в каждой, поставив начальствовать над каждой одного из своих старых подопечных. Найдя в доме некромантов карту близлежащих земель, Харольд закрепил за отрядами те районы, которые они должны были ежедневно

обследовать. Таким образом Харви рассчитывал на время избавиться от проблемы приема нежелательных посетителей. Зомбям вменялось в обязанности знаками объяснять всем встречным людям, что дальше ходу нет. Излишнюю агрессию при этом выказывать не рекомендовалось. Рано или поздно дружки покойных магов, конечно, догадаются, что что-то тут не так, но к тому времени Харви успеет хорошенько изучить библиотеку и убраться прочь, прихватив с собой самые ценные фолианты.

И что удивительно всё произошло именно так, как Харольд и планировал. Никто мага так и не побеспокоил. Долго ломать голову над тем, куда направиться дальше, Харольду не пришлось. Среди записей покойных некромантов он нашел упоминания об нескольких их коллегах. Чем те занимались, какие эксперименты ставили, чего добиться хотели, а самое главное, где их найти можно было. Харви твердо решил встать на путь освободителя несчастных мертвяков от злобного некромантского ига. Он бродил от одного логова к другому, истребляя негодных магов.

Кончилось всё тем, что полусумасшедший маг умудрился таки привлечь к себе внимание Черного Круга, на территории которого он злобствовал. Стигийцы впротиву обыкновению к решению проблемы подошли с вызывающим уважение практицизмом. Они махнули рукой на необыкновенную природу способностей Харви и на его власть над мертвой плотью и просто-напросто решили убить зарвавшегося негодяя.

И вот однажды на ничего не подозревающего Харольда и его армию зомбей в три с лишним сотни голов напали шестеро стигийских колдунов. Действовали они грубо, отвергая все писанные и неписанные правила этикета ведения магических схваток. Харольд, глядя на это, испытывал праведный гнев и неподдельный ужас. У него уже стояла перед глазами картина собственной смерти. И тут в его памяти всплыли заветные слова, те, что его учитель Бушир произнес в свой предсмертный час. Харольд выкрикнул заклятье и вновь превратился в тушканца. В этом виде он и убрался с места схватки, по пути уворачиваясь от разрывов запрещенных к применению заклятий.

В роли тушканчика Харви освоился быстро, словно и не был человеком. Несколько седмиц маг наслаждался новой сравнительно спокойной жизнью, но потом ему это надоело. Захотелось вернуться в прежний облик, поднять из могилы пару мертвяков. Соответственно возникла проблема, как побыстрей покончить жизнь самоубийством. Перебарывая все инстинкты, Харольд в наглую средь бела дня прогуливался по пустыне в ожидание той птицы, что прервет его бренное существование. Но пернатые нутром чуяли, что дело здесь не чисто, и сумасшедшего тушканца облетали стороной. Несколько раз Харви прыгал вниз с высоких барханов, стараясь извернуться таким образом, чтобы при приземлении сломать себе шею. Не выходило. Оставалось одно – заморить себя голодом. Средство оказалось действенным. Вскорости тушканчик принял воистину мученическую смерть.

Когда на месте останков животины возник Харольд-человек, то сразу стало ясно, что с решением о прекращении своего прежнего бытия он несколько поторопился. Харви оказался посреди пустыни без еды и воды, а аппетиты следуют заметить у него теперь были не тушканчиковы. Но как-никак он всё ещё оставался магом. Харольд бросил заклятье «определения пути», и магия показала ему, в каком направлении надлежит двигаться.

Харви изнемогал от жажды и голода, но продолжал упорно идти вперед. Прошли одни сутки, вторые. Маг практически обессилен, когда впереди показалась полоска джунглей. Из первого же дерева некромант с помощью соответствующего заклятья извлек всю влагу, что в нем содержалась и наконец утолил свою жажду. Потом он съел два незнакомых ему зеленых плода. Заклинание показало, что они не ядовиты. И практически тут же Харольда сморил сон.

Проспал Харольд почти целые сутки. Кого другого на его месте хищники уже давно бы сожрали, но, как и мертвяки, животные видели в Харви родственную душу. Правда, когда был тот

был тушканчиком, они почему-то закрывали на это глаза.

Очнувшись маг стал решать, что ему делать дальше. В пустыню возвращаться не хотелось, так что оставались джунгли. Харольд наколдовал себе небольшой магический тесачок и, прорубая им себе дорогу, двинулся в чащи. Почти седмицу бродил по джунглям маг. Питался плодами и ягодами, спал на земле, практически слился с дикой природой. Закончилось его путешествие у стен того самого поместья, на крыше которого вили гнезда диковинные птицы, к которым в гости приползали диковинные змеи.

Строение пустовало, дорога, ведущая к нему, практически заросла и была различима лишь с великим трудом. Харольд решил, что это место для него подойдет идеально. Здесь в тиши тропических джунглей он сможет спокойно заниматься своим любимым делом и никто его не побеспокоит.

Так до последнего времени и было. Иногда к вратам поместья забредали редкие путники. Харольд убивал их и обращал в зомбей. Он надеялся вывести вид мертвяков, способный к самостоятельной деятельности. А еще он лелеял в душе мечту, хотя сам себе в этом никогда не сознавался, наделить зомбей способностью к размножению.

— Орч, — обратился Старый Харольд к невысокому коренастому зомби. Последний ничем от нормального человека не отличался, за исключением ядовито-зеленой кожи и ярко красных глаз. — Тебе встречалось что-нибудь подобное?

Маг пододвинулся, пропуская зомби к хрустальному шару. Из четырех мертвяков, что ныне обитали в поместье Харольда, Орч был самым сообразительным.

— Орч! — категорично заявил зомби, глядываясь в птицу в шаре. Снежно белая чайка летела прямо к поместью.

— Ну, этак, дружок, у нас с тобой разговор не получится, — посетовал Харви.

Зомби очень любил впадать в состояние бездумной констатации собственного имени. Точнее не имени, а слова «Орч». Что оно означает, Харви не знал, но решил именно так и наречь монстра.

— Орч, — согласился с хозяином мертвяк.

Судя по интонации, зомби осознавал, что от него требуют связанной речи, но произносить множество слов, когда всё замечательно можно было выразить и одним, ему было лениво. Хотя у Харольда имелись подозрения, что дело здесь не только в лени. В предыдущее своё существование Орч был конфидентом, работал на Коринфию, а потому болтать попусту приучен не был. Слушать любил и проявлял к этому большую склонность.

— Давай, приходи в себя. Соберись.

Зомби преданно посмотрел на хозяина и, сделав над собой усилие, промямлил несколько непонятных слов.

«Глотку разрабатывает», — подумал Харви.

— Птица колдовская. Чайки так далеко от моря не летают.

— Знаешь, кто подобными вещами баловаться может? — спросил Харви.

Он искренне ценил Орча. Тот был смешленым малым и за свою недолгую жизнь успел вызнать множество тайн и секретов. Единственным его существенным недостатком было любопытство. Именно оно и вынудило его сунуться в обитель Харольда и обрести конец привычного существования. Харви несколько раз пытался разговаривать с Орчем на тему жизни и смерти. Мага интересовался, как его подопечный воспринял своё перерождение. Орч пока отмалчивался, но Харольд не терял надежды.

— Шаманы из Ванахейма, — Харольду показалось, что он услышал издевку в голосе Орча. Но это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. К проявлению эмоций его подопечные пока способны не были.

— Этим до меня нет никакого дела, — сказал Харви. — Я запасы рыбы в северных морях не подрываю. Кто еще может птиц использовать?

— Анимист, — ответил зомби и добавил. — Орч.

Анимист. Это предположение заставило Харви серьезно задуматься. Сам он уже давно не практиковал анимагию, но начала её помнил. Работать с птицами чрезвычайно сложно, в них слишком сильны инстинкты. Если уж берешься вносить изменения в тварь крылатую, то должен постоянно держать в памяти её среду обитания и привычки и действовать сообразно им, иначе получится уродец, который разобьет голову о первую попавшуюся стену. Применяя это правило к нынешнему случаю, Харольд утвердился во мнении, что чайка не заколдованная. Невозможно заставить эту птицу удалиться на такое расстояние от моря.

— Орч, — промычал зомби. Харви глянул на него. По искренне глядящим на хозяина красным зенкам становилось понятно, что монстру было, что добавить, но лень не позволяла ему это сделать.

— Я тебя не понимаю, — признался Харольд. — Однажды я составлю заклятье, которое будет раскладывать твоё «орч» на отдельные слова, но сейчас будь добр взять себя в руки и произнести фразу на человечьем.

— Птица — это маг, — с трудом выговорил Орч.

— Вот оно что! — воскликнул Харви. — Этот анимист никого не заколдовывал, а сам взял и превратился в чайку. Интересно, очень интересно. Орч, позови остальных. Поднимемся на крышу встретим нашего гостя.

— Убивать? — коротко поинтересовался зомби.

— Сначала поговорить, а потом посмотрим. Может и убивать.

Орч, неуклюже хромая, покинул комнату. Харольд принялся лихорадочно соображать, какие артефакты стоит захватить с собой на крышу. Подумал и решил взять все пять. Усилителей магии в поместье было маловато. Все пять амулетов были сняты со случайных гостей. Два приносили удачу, один спасал от простуды, еще один от постельного бессилия. Сравнительно ценным был лишь последний. Его раньше таскал на себе Орч. Амулет защищал от нескольких распространенных среди магов Черного Круга атакующих заклятий.

Пешком подниматься на крышу Харольду не очень улыбалось. Можно, конечно, было попросить зомбей отнести его наверх на носилках, но это означало бы потерю времени. Гость должен был вот-вот объявиться. Харви нахмурил свои густые седые брови, напряг память и извлек из её недр заклятье «перемещения». Произнести, правда, он сумел его лишь с третьей попытки. Годы брали своё.

Переместился Харольд ровнехонько на самую кромку стены. Порыв ветра удариł старику в спину, он зашатался и почти свалился вниз. От падения его удержала рука Орча. Зомби схватил старика за воротник мантии и оттащил от края. Харви благодарно ему кивнул. Окинув взглядом крышу, старый маг убедился, что все его подопечные были здесь.

Хирон. Этот молодой стигийский юноша забрел в поместье совсем недавно. Харольд немного изменил внутреннее строение его тела. Теперь этот зомби мог двигаться в несколько раз быстрее человека. Зато интеллектом Хирон был обделен. Внешне мертвяк был черным, как смоль.

Следующего зомби звали просто «Второй». Однажды в руки Харви попало два близнеца. Перед тем, как выйти к дому мага, они невесть сколько блуждали по джунглям и одичали до такой степени, что не могли вспомнить даже собственных имен. Харольд, чтобы не ломать голову и нарек их: Первый и Второй. Тело Первого не выдержало тех экспериментов, чтоставил над ним маг, и в какой-то момент просто взяло и развалилось. Второй оказался покрепче. Однажды Харви попытался соединить в теле Второго души обоих братьев. Ничего дельного из

этого не вышло. Зомби заметно поглупел и явно тяготился воспоминаниями, оставшимися от двух людей.

Единственной представительницей женского пола была симпатичная зомби по имени Кри, сокращенно от Кричащей. Харви переделал её связки и гортань так, чтобы Кри могла издавать звуки, не различимые для человеческого уха. С её помощью Харольд хотел научиться общаться с птицами. Опыт можно было бы считать удачным, если бы не глупая привычка Кри время от времени вопить дурным голосом. Кожа у Кри была нежно-голубой.

Старый Харольд прислонил правую ладонь ко лбу и стал вглядываться в даль. На горизонте возникла белая точка. Маг в нетерпении переминался с ноги на ногу, следя за приближением птицы. Но та, словно желая позлить старика, не торопилась подлетать к поместью, хотя общее направление движения выдерживала. Наконец чайке надоело выписывать пирамиды в небесах, и она уселилась на одну из декоративных башенок, украшавших крышу.

Харви терпеливо ждал, когда залетный маг соизволит развоплотиться, но тот лишь сидел на трубе и оглядывал существ, собравшихся на крыше.

— Ладно, — сказал Харви. — Не хочешь — как хочешь. Сейчас сами тебя развоплотим.

Маг подошел к чайке и начал творить над ней волшбу. Но заклинания почему-то не давали желаемого результата. Чайка оставалась чайкой, сидела на трубе и недоуменно смотрела на размахивающего перед ней руками человека.

Было похоже, что они с Орчем ошиблись. Перед Харольдом находился отнюдь не маганист. На всякий случай, Харви произнес заклятье «истиной сути вещей», по ходу выругав себя за то, что не сделал этого раньше. Результат был предсказуем. Птица оказалась самой обычной.

— Вот те на, — посетовал старик.

— Вы не меня ищете? — поинтересовался Второй, тронув мага за плечо.

Харви обернулся и удивленно уставился на зомби. На лице Второго расплылась широкая улыбка.

Глава 6.

«О пользе денег»

Магическая буря, разыгравшаяся в водах Западного Океана, внесла значительные изменения не только в политическую, но и в общественную жизнь Сартоса. Особо ярко это отразилось на нравах, что царили в винных закутках «Хлебной» части базара.

Нет, настроение у людей, здесь собиравшихся, как и прежде, было самое доброжелательное. Просто несколько изменился качественный состав местного контингента. Раньше у винных палаток крутилось великое множество моряков. Они разбрасывались деньгами направо и налево, перебрасывались шутками с местными выпивохами, ухлестывали за молодыми девчонками. Этих моряков жители Сартоса считали в доску своими.

Нынешних же они недолюбливали. И вроде бы люди остались теми же самыми, просто теперь они стали безденежными. Моряки жили исключительно на довольствии Хозяев. Те гроши, что были припасены на черный день, они уже давным-давно спустили, а потому на горожан, соривших монетами, мореходы смотрели крайне неодобрительно. Местных их взгляды нервировали, и постоянным обществом моряков они стали тяготиться. До открытых драк дело редко доходило, хотя и такое случалось.

И случалось оно как раз у винных лавок, что на «Хлебной». Матросы заглядывали сюда исключительно по привычке. Смотрели на довольные, пьяные рожи горожан и начинали тихо звереть. Стражи по традиции в этих местах не водились и предотвратить рукоприкладство было просто некому.

В какой-то момент Хозяевам такой ход событий разонравился окончательно, и они запретили морякам появляться в пределах базара под угрозой снятия с довольствия всего экипажа корабля. Сказать, что капитанам эта метода борьбы с уличными драками по вкусу не пришла, значит не сказать ничего. Вот только оспорить её так никто и не решился. Моряки, осознавая, что с ними сделают товарищи по команде, если они своим поведением весь экипаж под удар подставят, предпочитали базар обходить стороной. Это настолько въелось им в кровь, что даже напившись до состояния полного непонимания существующей реальности, гордые мореходы ползи по улицам в направлении строго противоположном месту расположения базара.

С тех пор «Хлебная» стала оплотом сил, ратовавших за выдворение пиратской братии из города. В основном этим делом страдали юнцы, побитые в кабацких драках, и почтенные мужи, чьих женушек от нечего делать соблазняли матросы. Разумеется, сии реакционисты ограничивались исключительно разговорами, причем на приличном расстоянии от пиратских ушей.

Еще одну сторону, чьи интересы были затронуты в этом конфликте, являли собой торговцы вином из тех самых палаток. Они искренне переживали, что пиратов выдворили с пределов базара. Нельзя сказать, что они были самыми выгодными клиентами, просто моряки представляли собой один из неотъемлемых элементов той душевной обстановки, что способствовала высоким продажам. Злобствующее ныне местное население много пить боялось, осознавая, видимо, что может потерять над собой контроль и начать костерить пиратов вне пределов базара.

Впрочем, один выгодный клиент в это утро у виноторговцев имелся. Молодой человек, одетый в белую с золотой вышивкой рубашку, сидел под тентом, защищающим его от солнца, и распивал уже вторую бутыль белого офорского. Коратцо немного изменил свою внешность:

расширил разрез глаз, уменьшил нос, убрал горбинку, подтянул наверх скулы и в довершении всего сделал себе ярко рыжую шевелюру. Получился вполне симпатичный выходец из Ванахейма. Новые сапоги и брюки дух Камня приобрел совсем недавно. Старые вещи выдавали в нем морского офицера. Рубашку же вопреки логике он менять не стал. Она ему нравилась. Люди, как он заметил, имели свойство привязываться к определенным вещам, вот он и решил начать кое в чем им подражать.

Сейчас Коратцо откровенно бездельничал. Он ждал полудня. В это время открывалась контора, занимавшаяся учетом дельцом всех мастей, что проживали в Сартосе. Без одобрения этого заведения дух не мог приступить к реализации своего плана. Он пока был недостаточно силен, чтобы с пренебрежением относиться к человеческим законам. Его время еще придет, а до тех пор лучше играть по правилам.

Чтобы чем-то себя занять, дух время от времени заглядывал в мысли собравшихся в винном закутке людей.

Коратцо прищурил правый глаз, выбирая очередную жертву. Пусть будет вон тот жирный стигиец, одетый в пурпурную рубашку. Перед тем, как проникнуть в сознание, Коратцо неизменно пытался угадать, что же он там увидит. Это было для него чем-то, вроде упражнения в логике.

Стигиец показался духу человеком простым, интеллектом не обремененным. Такой, наверное, выбирает жене в подарок безделушку какую-нибудь, чтобы она в очередной раз его супружеские притязания не отвергла.

«Как же хорошо, что цены на лотос в этом году такие высокие. Даже на остатках товара целое состояние сколотить можно. Надо будет поподробнее расспросить того шемита, что байки про подорожник в «Змее» травил. Жаль, что я ему тогда сразу не поверил. Но кто бы мог подумать, что эта самая обыкновенная трава в смеси с лотосом, положительно увеличивает эффект зелья!?»

Коратцо приложился к бутылке и сделал два глубоких глотка. Так надлежало поступать, когда тебя чем-то ошарашивали. Такой непримечательный субъект вдруг оказался торговцем грэзами! Вот только с подорожником его обдурили. В сочетании с лотосом он образовывал смесь, что за несколько седмиц была способна разрушить сердце человека.

Решив не сосредотачиваться на неудаче, Коратцо перешел к следующей цели.

Молодая девушка с ребенком. В руках она держала корзинку, заполненную фруктами. Эта особа должно быть забрела в винный закуток, чтобы приобрести у торговца бутыль красного вина для нужд домашней кухни. Совсем недавно Коратцо узнал о рецепте популярного среди местных жителей соуса. Две миловидные девушки, стоявшие неподалеку от духа Камня, обсуждали тонкости его приготовления. Мысли их при этом витали вокруг некоего морячка, за которым обе были не прочь приударить.

Коратцо заставил себя повнимательней присмотреться к девушке с ребенком. Надо научиться понимать людей, не приникая в их мысли. Внезапно дух заметил, что мальчик совсем не похож на женщину, которую он изначально принял за его мать. Отлично, первый шаг сделан. Что еще в этой парочке необычного? Вот! Девушка постоянно стремится взять ребенка за руку, но отдергивает себя. Что бы это могло означать? Коратцо предположил, что это сын человека, взявшего девушку в жены. Она скорее всего любит ребенка, но боится проявить свои чувства. Проверим!

«Сложно! Почему всё так сложно?! Я просто хочу мира и покоя. Хочу иметь семью. А тут этот мальчишка! Сэрос с ним так носиться, пылинки с него сдувают. Может, он ему бывшую жену напоминает? Дэркето, да что же этот мальчишка удумал?! Где он только эту кошку на базаре-то откопал?! А если она его оцарапает?»

Дух довольно улыбнулся. На этот раз он попал в яблочко. Но с женщинами было сравнительно просто, они вечно любовью озабочены. Вопрос лишь в направленности их пристрастий. Коратцо по-хорошему позавидовал богам, отвечающим за любовь и брак. Скучно, конечно, за всей этой тягомотиной наблюдать, зато источник веры неиссякаемый.

— Будьте добры еще одну бутыль того же! — крикнул дух Камня виночерпию.

— Немедля исполним, господин хороший, — отозвался стигиец и полез под прилавок.

Коратцо на миг заглянул в его мысли. Оказалось, вполне искренний человек. Радовался щедрому и вежливому покупателю. Дух решил, что непременно оставит торговцу пару монет сверху.

— От бокала по-прежнему отказываетесь? — спросил стигиец, поднося вино.

— Утром вино из горла надо пить, — дух пересказал истину, откопанную где-то в пьяных воспоминаниях зинграца.

Внезапно внимание духа привлек щуплый паренек лет восемнадцати, что околачивался под одним из тентов. Он держался немножко диковато, иногда принимался ни с того, ни с сего озираться по сторонам. Странный тип. Коратцо продолжил свою игру.

Первую мысль о том, что парень вор-карманник он отбросил за несуразностью. Вор старается не выделяться. Его до тех пор не заметишь, пока у тебя кошель с пояса не исчезнет. На посыльного юнец тоже не походил. Он бы тогда не с опаской по сторонам смотрел, а с любопытством. И тут на духа снизошло озарение! Он не просто понял, кто это такой, он даже знал его имя!

Тот самый морячок, о котором грезили две утренние красотки. Одной из них он как раз на это время и назначил свидание. Коратцо испытал прилив уважения к парню. Не побоялся наказания и пришел на базар, рисковый малый. Смельчаки всегда вызывали симпатию у духа Камня. В своё прошлое воплощение именно таких вот отчаянных парней он и назначал на должности своих ближайших помощников.

Моряк переминался с ноги на ногу, явно желая побыстрее освободить базар от своего присутствия, но прежде, похоже, рассчитывал одарить красотку своим вниманием.

Коратцо на всякий случай решил проверить свои подозрения.

«Проклятье! Где демоны эту девицу носят? Капитан меня четвертует, если узнает, что я на базаре околачивался!»

Ничего хорошего парню не светило. Дух понял это из мыслей тех утренних девиц и подозрений, что всё больше и больше укреплялись в головах трех стигийцев, стоявших неподалеку от парня. Скоро его будут бить.

— Черс! — окликнул дух паренька. — Ну-ка, пойди сюда. У меня есть дело к твоему господину.

Моряк колебался лишь несколько мгновений. Впрочем, намек был достаточно прозрачным. Какой господин может быть у моряка, кроме капитана? Раз незнакомец знает его имя и знает, кто он такой, то, наверное, с таким незнакомцем лучше не спорить.

— Что вам угодно? — спросил юный пират.

— Я собираюсь предложить тебе одну должность, — сказал Коратцо. — Мне нужен поверенный, думаю, ты вполне сгодишься на эту роль.

— Боюсь, мой господин не отпустит меня, — ответил моряк.

— Господин? Говори прямо! Капитан!

— Не надо, пожалуйста, — взмолился моряк. — Из-за меня накажут всю команду.

— Капитан! Капитан! — Коратцо принялся кричать во весь голос и размахивать руками.

Паренек ошелепо глядел на него. Потом к нему пришло понимание, что ничего не происходит. Никто не обращал на них двоих внимания. Жители Сартоса продолжали заниматься

своими привычными делами.

— Они нас не слышат и не видят, Черс, — подтвердил догадку паренька Коратцо.

— Вы — маг? — спросил матрос.

— Я чуть больше, чем маг. Но чуть меньше, чем бог.

— Тогда я согласен, — тряхнул кудрявой головой паренек по имени Черс. — Быть вашим поверенным, думаю, поинтересней, чем юнгой на корабле. Чем займемся?

Коратцо довольно улыбнулся при виде такого рвения.

— Для начала мы с тобой пройдемся по городу и выберем здание, в котором откроем нашу контору.

— А чем мы будем заниматься?

— Это долгая история и началась она очень давно. Давай, я расскажу её тебе по пути?

Паренек в очередной раз согласно кивнул. Коратцо снял заклятие невидимости, взял со стола недопитую бутыль вина и бросил торговцу только что сотворенный золотой.

С «Хлебной» части двое путников отправились на «Морскую». Коратцо отстегнул стражи положенные медяки, и она пропустила их внутрь привилегированной оконечности базара. Местные лавки положительно нравились духу Камня своей основательностью и тем, что вокруг них крутились исключительно серьезные люди. Но, посовещавшись с Черсом, Коратцо отбросил этот вариант в сторону. «Морская» место хорошее, но слишком уж специализированное.

Дальше бродить по базару смысла не имело. Надо было искать что-нибудь подходящее за его пределами. Коратцо хотел идти к центру города. Там по его разумению место для конторы было самое подходящее. Но Черс идеям духа заартачился.

— Что толку-то нам с этих горожан будет? Сам подумай. У них у всех работа есть, семья, стабильный ежемесячный заработок. Им хоть горы золотые пообещай, всё одно не клюнут. Порт — вот самое милое дело! Моряки на своих посудинах сейчас без дела сидят, а тут мы со своим предложением.

— Ладно, убедил, — согласился Коратцо, довольный своим решением взять себе в помощники одного из людей. Сам он учился восприятию этого мира, но, к сожалению, не так быстро, как ему этого хотелось.

В районе порта они осмотрели три помещения, что сдавались в наем. Первый дом не понравился Коратцо, второй Черсу, третий им обоим. Решено было осматривать все подходящие строения в не зависимости от того, предлагались ли они к сдаче или нет. Хозяином приглянувшегося домика, как назло, оказался шемит. Черс, имевший большой опыт общения с «синебородыми» предложил сразу приложить хозяина каким-нибудь убойным заклятьем. Коратцо отказался.

— Добрый день! — громко крикнул он, стуча кулаком по входной двери.

— Что вам надо от бедного старого Хаджа? — раздался голос из окна второго этажа. Вслед за голосом появилась и голова его обладателя.

Шемит. Типичный. С иссиня-черной бородой маленькими кудряшками.

— Мы хотим снять на пару седмиц ваш дом, — сказал Коратцо.

— Вы шутите?

— Нисколько.

— И вы готовы заплатить?

— Да. Любую сумму, которую вы назовете.

— Что вы говорите! Любую, какую я назову?! Ха-ха! Да, вы столько денег и в жизни не видели.

— Не видел, — честно признался Коратцо.

— Вы шутник, молодой человек, — рассмеялся шемит, а потом грозно добавил. — Но

посмеялись и хватит. Немедля покиньте моё крыльцо, пока я не вызвал стражу.

Не обращая внимания на крики шемита, дух Камня обратился к Черсу.

— Ты был прав. С ним не договориться.

Коратцо произнес заклинание, и шемит из окна своего дома переместился в яму для должников города Шадизар, что в Заморе.

— Домик мы выбрали. Теперь можно идти документы править.

— Ты твердо решил? — спросил Черс. — Зачем нам все эти разрешения нужны?

— Мне тяжело тебе объяснить, — сказал Коратцо. — Просто предыдущий обладатель моего тела документами непременно озабочился бы. Существует ряд вопросов, в которых я ему доверяю почти безоговорочно. Всё-таки столько лет капитаном корабля проходил.

Черс спорить не стал, что похвально.

Контору найти удалось не сразу. Коратцо выспросил с утра у торговцев с «Хлебной», как её отыскать можно. Объяснения он получил. Вот только были они очень уж путанными. Складывалось впечатления, что Хозяева не желали развивать торговлю Сартоса и потому запрятали столь важное заведение в столь невообразимые закоулки.

Когда наконец моряк и дух подошли к дверям искомого дома, время перевалило далеко за полдень. Внутри здания было очень многолюдно и духота стояла невообразимая. Черс пролепетал извинения и сказал, что подождет Коратцо на улице. В этот момент дух Камня во второй раз за день испытал приступ зависти.

— Где мне можно подтвердить свои права на ведение дела?

Коратцо не слишком-то верил, что ему ответят. Но нашлись люди, уже определившиеся со своей очередью, которые со скуки соблаговолили помочь советом молодому человеку.

— Вам нужен Гинир. Тот седой кофиец за столиком.

— Все эти люди тоже к нему? — спросил Коратцо, с опаской поглядывая на очередь из семи человек перед кофийцем.

— Да. Радуйтесь, что сегодня так мало народу.

Присутствующие дружно закивали в знак согласия.

Дух Камня прикинул, что стоять ему здесь колокола два. Не меньше. Столько времени у него не было.

Он спокойно прошел в самое начало очереди и произнес заклинание «веры». Время действия у него было маленьким, но дух и рассчитывал задерживаться надолго в этом ужасном помещении.

— Всё в порядке, — внушение, с которым он обратился к собравшимся, было лаконичным до безобразия.

Гинир вскоре закончил свою беседу с пожилой стигийкой и переключил своё внимание на Коратцо.

— Я вас слушаю, — сказал он.

— Я планирую открыть свое дело. Мне нужны бумаги, подтверждающие законность моей будущей деятельности.

— Какого рода дело? — спросил кофиец.

— Поиск пропавших людей.

— Вы получили у «лиловых» удостоверение о благонадежности?

— Нет.

— Тогда я не могу вам помочь!

— Можете, — сказал Коратцо и сделал так, что седой кофиец поверил, что он «может».

— Хорошо. Я закончу оформление завтра вечером.

— Почему так долго? — Коратцо сделал эффект заклятия «убеждения» постоянным. Дух

понял, что разговор коротким не получится.

— Надо изготовить бумаги соответствующего образца.

Коратцо заглянул в сознание кофийца и, опираясь на его воспоминания, с помощью магии создал заветные документы.

— Эти вас устроят? — спросил он, протягивая бумаги старику.

— Да, но как?...

— Не важно.

Старик посмотрел на недовольное лицо Коратцо и понял, что ему действительно всё равно. Обмакнув в чернильницу перо, Гинир поставил свой росчерк на каждом листе, затем достал из ящика стола пару журналов и что-то долго в них записывал. Прервался на мгновение, чтобы спросил у духа его имя и адрес конторы, а затем снова продолжил писать.

Коратцо терпеливо ждал, когда закончится эта пытка.

— Всё, — радостно сообщил Гинир, протягивая бумаги духу. — Можете приступать к вашей деятельности.

— Благодарю, — ответил Коратцо и покинул душный дом так быстро, как только мог.

На улице его встретил Черс с кружкой охлажденного пунша. Видимо, догадывался, что духу внутри придется несладко и смотался к ближайшей винной лавке за общеукрепляющим средством.

Коратцо в два глотка осушил кружку и поблагодарил паренька.

— Тяжело было? — поинтересовался Черс.

Дух кивнул.

— Ты вообще молодец. Я не думал, что ты так быстро управишься.

— Раньше мир был значительно проще, — философски, но немного не в тему, заметил Коратцо. — Пойдем, нам предстоят великие дела.

До дома в порту они добрались быстро, благо ноги сами несли их вперед. Трудности остались позади начиналось самое интересное.

План по поимке братьев Коратцо придумал в тот момент, когда валялся в постели с Мартой. Девица сказала ему, что больше всего на свете люди ценят деньги. Веру за них купить было нельзя, но вот заставить всё свободное население городка искать его братьев можно было запросто.

Дух отлично понимал, что прибыв в Сартос, братья попытаются найти себе логово и затаиться в нем. Будут получать от жизни удовольствие в меру своих ограниченных потребностей и копить силы для решающего удара. Коратцо нужно было принудить действовать их в открытую. Он вполне реально оценивал собственные возможности и справедливо полагал, что ему хватит сил убить любого из своих родственников. Братья страдали излишней прямолинейностью и отсутствием стратегического мышления. Загнать их в ловушку не проблема, главное выманить из норки.

Идея же, посетившая духа, была до гениальности проста. Он собирался объявить награду за поимку каждого из своих братьев. Они с Черсом уже успели согласовать большинство деталей плана. Долго думали над тем, стоит ли объявлять в розыск самого Коратцо. В итоге, решили, что стоит. Это могло запутать противников.

Вести поиски решено было по двум направлениям.

Охочим до золота морякам и горожанам предлагались следующие варианты. Можно было искать четырех духов, стремившихся соответственно к власти, магии, любви и не-знако-к-чему. Описания пристрастий, разумеется, были более подробными.

А можно было искать моряков с корабля Коратцо. В их тела первое время должны были находиться духи. Коратцо надиктовывал Черсу описание их внешности, погружаясь в

воспоминания зингарца, а паренек прилежно всё записывал крупным разборчивым подчерком. Грамоте его обучил Коратцо, применив для этого несложное заклятье.

— Надо будет завтра художника найти, — предложил Черс. — Чтобы он их портреты нарисовал.

— Надо, — согласил дух Камня.

К их конторе «Сто золотых за человека» уже начал подтягиваться народ.

Глава 7.

«О морских псах»

Жить в собачьей шкуре Зелтрану не нравилось совершенно. В основном из-за блох. Эти мелкие кусачие твари умудряли в легкую доводить боцмана до бешенства. Он то принимался кататься на спине, то начинал гоняться за кончиком хвоста, на котором засела пара паразитов. Всё это под оглушительный хохот и свист команды.

К чести Зелтрана он еще ни разу не опускался до того, чтобы погнаться за кем-нибудь из моряков, а уж тем более покусать. Боцман старался сохранить чувство собственного достоинства, даже пребывая в столь необычной ипостаси. К сожалению, мало кто из моряков относился к нему всерьез.

«Но ничего, — думал боцман, — придет моё время. Я вам всё шалопаям припомню».

По набережной неторопливо двигалась рыжая кошка.

Инстинкты взорвались внутри Зелтрана. Ему захотелось немедля сорваться с места и пуститься в погоню за рыжей бестией. Но он сдержался. Даже не залаял.

— Боцман, — позвал пса Грув. — Пойдемте к Хозяевам, пусть посмотрят на вас.

Зелтран коротко гавкнул и засеменил по трапу вслед за матросом.

Команда странно поглядывала вслед удаляющейся парочке. У неё были все основания подозревать Грува в съезде крыши, а пса в самой что ни на есть обыкновенности.

Вчера ночью из отправившихся в бордель моряков на «Вестрел» вернулся только седовласый помощник боцмана. В одной руке он держал небольшой сверток, наполненный странной пылью, в другой золотую статуэтку верховного вендийского божества. Вслед за моряком по набережной семенила беспородная псина с довольно хмурой мордой.

На Грува сразу же обрушились с вопросами что да как.

И он начал рассказывать

— ...после того, как Зелтран в пса превратился, очередь Олафа настала. Подошел к нему толстяк, болтать начал о чем-то. Кажется, заклятье немоты он с него снял. Про что они трепались я не слышал. Видел только по лицу Олафа, что боится тот исправно. И не зря ведь боялся. Толстяк начал тарабарщину какую-то выкрикивать, палец на Олафа наставил. Тот аж сжался. Я тоже замер весь, смотрю, жду, что дальше будет. А вроде как ничего и не произошло, только толстяк уж очень нехорошо заулыбался. Путы магические с Олафа опали, он взял да и пошел к двери. Но лишь пять шагов сделал, как пеплом рассыпался. Я вот собрал его.

Грув продемонстрировал сгрудившимся вокруг него матросам сверток с пылью.

— Но это потом было. Как с Олафом толстяк покончил, так сразу же ко мне направился. Я чувствую, что всё, конец пришел. Самое лучше, если в кошку какую обратят. Но толстяк со мной заговоривать не спешил. Стул, на котором я сидел, обошел пару раз, уши мои зачем-то потрогал. Потом петь начал. Проникновенно так, только на языке непонятном. А как песенка закончилась, так сразу же заклинание плести начал. Он в этот миг за моей спиной стоял. Думал даже не вижу, как моя кончина ко мне подлетает. Помните, я вам про искры рассказывал? Жду, значит я, обомлел весь. Страшно до жути. И тут он замолчал. Только что мямлил что-то, и вдруг тишина. Решил я, что он меня, как и беднягу Олафа, чем-то хитрым приложил. Сижу, не шевелюсь. Жить-то охота. Даже не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я со стула встать решился. Да, оцепенения, как ни бывало. Огляделся по сторонам. Толстяка вроде нигде не видно. Махнул я тогда рукой на всю эту магию — коль помру, значит судьба такая. Взял на руки божка, пса

бессознательного, подмышку сверток с остатками Олафа засунул и назад двинулся. По дороге боцман очнулся. Ошалел от своего нового состояния. Бегал кругами, бесился, лаял, пару раз меня за ногу прихватил. Потом успокоился.

Моряки Груву вроде как поверили. Пса с палубы не гнали.

Вышел, правда, один неприятный инцидент. Часть команду ратовала за то, чтобы божка продать. Тот, мол, даже если и был когда живой человек, то ныне не более чем статуэтка из драгоценного металла.

Зелтран на это предложение отреагировал зычным лаем, в котором часть матросов разобрала привычные интонации боцмана. Грув кричать не стал. Просто сказал, что убьет любого, кто к божку притронется. Перед капитаном Конаном он за это ответ держать готов. Гонору среди мореходов сразу же поубавилось.

Рано утром на корабль пришли шемиты, требовали капитана, хотели договор на поставку пшеницы разорвать и деньги назад вернуть. Разумеется, с такими запросами они были посланы куда подальше.

Зелтран побежал к Груву, тявкнул на уходящих торговцев и побежал за ними. Помощник боцмана вроде понял, что пес собирается немного за шемитами последить, во всяком случае, согласно кивнул головой. Зелтран подумал, что Грув, наверное, сомневается, различает ли он человеческую речь, вот потому и общается знаками.

За время слежки боцман успел сцепить со сворой портовых собак. Организации у них не было никакой, нападали одновременно, страшно мешая друг дружке. Зелтран хорошенко их отдал и довольный собой побежал дальше. Шемиты тем временем ходили от корабля к кораблю. Судя по кислым рожам, ответ везде был одинаков. Боцман всерьез раздумывал над тем, пойдут купцы топиться или нет? В предположениях своих он почти не ошибся. Двое шемитов время от времени бросались в сторону причалов, явно намереваясь свести счеты с жизнью, но в последний момент их ловили товарищи.

Купцы псу наскучили. С ними ничего интересного не происходило. За ночь они образумились и теперь расхлебывали последствия вчерашнего торгового загула. Зелтрана подмывало сбегать в город, посмотреть, что там интересного творится, но чувство ответственности за корабль его останавливало, и он решил вернуться на «Вестрел».

— Узнали чего-нибудь? — спросил Грув.

Пес помотал головой из стороны в сторону и разочаровано гавкнул.

— Понято, — сказал моряк.

Зелтран несколько раз обошел палубу, наблюдая за тем, как матросы выполняют свою работу. Выполняли не ахти как, чувствовалось отсутствие твердой руки. Боцман попробовал пролаять что-нибудь суровое. Не помогло.

Тут, как назло, стали доставать блохи. Чтобы не конфузиться перед командой, Зелтран забежал в свою каюту, которую специально для него держали открытой, закрыл мордой дверь и, уже оставшись в одиночестве, вволю повоевал с прыгучими негодяями.

— Боцман, — донесся с палубы голос Грува.

Зелтран какое-то время провозился с дверью: слишком плотно он её прикрыл. Выйдя наружу, пес неспешно побрел к моряку.

— Тут двое ребят заходили с «Огненного Дракона», — сказал седой матрос. — Говорили, что Хозяева на сегодня беседу с капитанами кораблей назначили. Я думаю, может, узнать у них на счет вас?

Зелтран раздраженно затряс мордой и зарычал.

— Ну и что, что стигийцы? — спросил Грув. — Других нормальных магов здесь нет, шарлатаны только. Вдруг, вашу личину через какое-то время уже нельзя будет снять.

Боцман не спешил с ответом. Думал. Грув, конечно, правильно мыслит. Но очень уж не хотелось Зелтрану связываться со стигийской шайкой. Они, если и помогут, то потом все соки выжмут. Тут боцман вспомнил о том моряке, что в золотого божка превратился. Он сам-то хоть какое существование влечит, а парень неизвестно что сейчас чувствует.

Пес коротко гавкнул.

— Я тоже думаю, выбора у нас нет, — сказал Грув.

И они стали ждать. Но Хозяева всё не появлялись и не появлялись. Это было очень не походило на сверхпунктуальных стигийских магов. Эти никуда и никогда не опаздывали. Зелтрана стали одолевать неприятные предчувствия. С магией в Сартосе творилось что-то неладное. А в том, что и шемиты пали жертвой колдовского воздействия, боцман не сомневался.

На берег команда «Вестрела» решила не сходить. События вчерашней ночи произвели на моряков сильное впечатление. Вот-вот должны были вернуться в город Конан с Сигурдом. Пусть они и решают, что делать дальше.

Так что, когда Грув и Зелтран решили сходить к Хозяевам, на них посмотрели, как на идиотов. Вернее, как на одного идиота и собаку.

Зелтран опасений команды не разделял, философски полагая, что хуже, чем сейчас, уже не будет. Он весело трусил вслед за Грувом, огрызаясь на портовых котов. Здесь — можно. Здесь никто не видит. Грув не в счет, он свой.

Сначала матрос с собакой заглянули в «Морского Змея», нашли там человека по имени Рашил и вежливо поинтересовались у того, не знает ли он, почему Хозяева соизволили изменить свои планы. «Лиловый» ответил, что на всё воля Сета. На лице Рашила, правда, очень четко читалась, что он просто-напросто не знает, а сознаваться не хочет. Зелтрану очень захотелось укусить стигийца за его толстую ляжку.

«Что со мной такое? — одернул он себя. — Откуда эти песни привычки? Самоконтроль и еще раз самоконтроль».

После «Змея» мореплаватели, двуногий и четвероногий, направились напрямик к обители Хозяев. Что толку время тянуть?

Зелтрану очень не нравилось, как пахло это место. Внутри находилось, что-то очень плохое, злое. Сам того не заметив, пес поджал хвост и сбавил шаг. На просьбы Грува идти чуть быстрее он никак не реагировал. Собачья ипостась не пускала боцмана к поместью. Он остановился, завыл и жалостливо посмотрел на матроса.

— Нет уж, боцман, — сказал седой моряк. — Раз собрались идти до конца, то давайте идти. Пес не сдвинулся с места.

— Ну, хорошо, — сказал Грув. — Только чур меня не кусать.

Моряк подошел к собаке, взял на руки и понес.

Зелтран сидел спокойно. Уверенность, исходившая от человека, передавалась и ему.

Трудно описать словами то, что творилось у подходов к поместью Хозяев. Только зрелище вчерашних шемитов, наверное, и помогло морякам хоть как-то воспринять творившуюся несущаизу без попыток усомниться в собственной нормальности. Если раньше жителям и гостям Сартоса удавалось за раз увидеть от силы двух или трех Хозяев, то сейчас в группы меньше пяти они не собирались. От поместья своего отходили исключительно квартала на два, потом чуть ли не бегом двигались назад. Вид при этом у них всех был на редкость затравленный.

— Уважаемые, — обратился Грув к шестерке магов, что выглядели сравнительно неплохо.
— Вы мне не поможете?

Шесть пар глаз уставились сначала на моряка, потом на собаку, потом снова на моряка, потом снова на собаку... и остановились.

Грув подумал, что боцману сейчас настанет кирдык. Лица у магов были не хорошие. Зелтран

тоже чувствовал, что ему что-то нехорошее сейчас настанет.

— Ваша собака? — спросил маг.

— Я насчет неё как раз и собирался поговорить, — начал Грув.

— То есть, она ваша? — перебил его маг.

Моряк понял, что дела стали совсем плохи.

— Это не собака, это — человек, — быстро произнес Грув, чтобы маги не успели ничего вставить.

— Я это знаю, — сказал маг. — Вопрос в том, откуда это знаете вы?

Зелтран почувствовал, что Грув сейчас им всё расскажет. Этого нельзя было допустить. Маги явно собирались взять боцмана с собой, но, если они узнают, что моряк был свидетелем той волшбы, то скрутят и его. Тогда на свободе не останется никого, способного поведать Конану о случившемся несчастье.

Боцман, что было сил, укусил моряка за руку. И вместо признания из его уст вырвался нечеловеческий крик. Пес, выпавший из его объятий и ударившийся о землю, лизал лапу и поскучивал. Грув нехорошо посмотрел на пса, но потом в его взгляде промелькнуло понимание. Зелтран немного успокоился.

— Взгляд у него такой, человечий, — сказал матрос, изображая полудурка. Потом добавил.

— Был. Вот скотина неблагодарная.

Маги расхохотались.

— Давай, мы избавим тебя от этой обузы, — предложил тот маг, что прежде вел разговор.

— Забирайте, — махнул рукой Грув, развернулся и побрел в порт.

Маги склонились над псом и начали его внимательно рассматривать. К боцману тем временем вернулись его прежние страхи, с ними пришло напряжение и одновременно желание его на ком-нибудь выплеснуть. Этим кем-то оказался один из магов. Зелтран укусил его за руку и тут же отскочил назад, испугавшись собственной наглости.

— Нервничает, — сказал маг.

— Собаки, они чувствительные твари, — согласился с ним другой. — Хоть душа у него человеческая, а инстинкты животные.

— Всё равно, сдерживаться надо, — сказал третий маг, растирая укушенную руку. Зелтран опасливо скосился на него. Но нет, стигиец вроде бы даже и не злился.

— Что делать с ним будем? — спросил первый.

— Надо бы привязать его, — вступил в разговор молчавший доселе сутулый маг. — Сбежать ведь может.

— Не сбежит, — как-то нехорошо произнес первый и, глядя в глаза псу, добавил. — Он ведь понимает, что от этого ему только хуже будет.

Зелтран коротко гавкнул.

— Кто-нибудь понимает, — обратился второй к своим товарищам, — что он говорит?

— Ничего он не говорит, — сказал укушенный. — Он лает. Собаки разговаривать не умеют. Где тебя только обучали?

— Чего ж ты руку трешь, раз такой умный? — обиделся второй.

— Кончайте языками молоть, — сказал еще один не вступавший в разговор маг. — Надо отдать пса Ксарти.

— Ты сам к нему пойдешь? — спросил первый.

Ответом ему было молчание.

Зелтран не знал, кто такой Ксарти, но раз к нему стигийцы идти не хотели, то ему простому боцману в собачьей шкуре там точно делать нечего.

— Может, мы его у двери оставим, — предложил сутулый, — а до Ксарти он как-нибудь сам

доберется.

— Вглядись в его песью морду, — сказал первый, — и ответь мне, пойдет он сам или нет.

Пес, как мог, изобразил полнейшее нежелание отправляться к Ксарти. Маг, иронии не понявшний, действительно долго смотрел на Зелтрана. Что он там увидел, осталось загадкой, но спора он продолжать не решился.

— Тогда отдадим кому-нибудь из первого круга, — предложил укушенный, — а они там сами пускай разбираются.

— Это дело, — согласился с ним первый. Остальные тоже закивали головами.

— Я думаю, к Слепцу его вести не стоит, — продолжил свою мысль маг, пострадавший от зубов Зелтрана. — Что-то мне не нравится, как он себя вести стал.

— Что удивительного-то? — пофилософствовал второй.

— Я думал, что хоть весь мир перевернется, Карун-Ра этого не заметит. Вернее, сочтет прекрасным случаем для постановки эксперимента по воздействию магии на людей, живущих вниз головой.

— Это точно.

— Ну, не выдержал человек. Со всеми бывает.

— Жаль.

— Ладно, — сказал первый, — к кому всё-таки пса поведем? К Биресу или Арзаресу?

— Ну, его, этого Арзареса, — махнул рукой сутулый. — От него просто так не уйдешь потом. Допытываться начнет. Где пса раздобыли? Как поняли, что заколдованный? И еще сотню вопросов выдумает.

Повисло молчание. По напряженным лицам магов Зелтран понял, что им уже не раз приходилось страдать от излишней въедливости человека по имени Арзарес. Боцман понял, что к нему он точно не попадет, а жаль.

— Тогда пошли к Биресу, — заключил первый. — Он животных любит. Хотя нет! Он птиц любит!

Все шестеро оглушительно расхохотались. Зелтран сути шутки, но впрочем особо к этому и не стремился. Его мысли занимало другое. Нужно было набраться смелости и войти внутрь поместья.

— Посмотрите на пса, — сказал укушенный маг. — Дрожит аж. Надо на него заклятье наложить. Кто-нибудьпомнит подходящее?

Зелтран мысленно попросил у парня прощения за своё недостойное поведение. Пострадавший оказался самым добрым из всех шестерых.

— Усыпим его на время? — предложил сутулый.

— А что? Хорошая идея, — сказал первый и начал творить волшбу.

* * *

Вот так Вестрел и лишился всех своих фоицеров...

Боцман заколдован и находится во власти Хозяев Побережья. Капитан Конан со старшим помощником — далеко, в опасном и трудном путешествии. Одним богам ведомо, как пираты выкрутятся из неприятностей на сей раз...

Теперь вся надежда команды — лишь на своего капитана, на его хитрость, силу и поразительную удачу.